

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ
(ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ)
НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
ЛАБОРАТОРИЯ ПУБЛИЧНОЙ
СОЦИОЛОГИИ ИЛИ
КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
ЛАБОРАТОРИЯ ПУБЛИЧНОЙ
СОЦИОЛОГИИ 18+

НЕПОКОРНЫЕ

**Как женщины борются за близких,
оказавшихся в российской армии**

**лаборатория
публичной
социологии**

АВТОРЫ: АИДА БЕЛОКРЫСОВА, МАША БИРК, САША КАППИНЕН, НАТАЛЬЯ САВЕЛЬЕВА

РЕДАКТОРКА ОТЧЕТА: НАТАЛЬЯ САВЕЛЬЕВА

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ: 16 ЯНВАРЯ 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

САММАРИ	5
ВВЕДЕНИЕ	9
МЕТОДОЛОГИЯ	12
ЧАСТЬ 1. Индивидуальное действие:	
близкие военнослужащих и помогающие инициативы	15
1.1 Кто такие близкие военнослужащих?	16
1.2 Матери, оправдывающие войну	17
Действия матерей	18
«Мы не имеем права отказаться»	18
Тревога и уточнение ситуации	22
В рамках закона	24
Матери и государство	25
Вечные слезы	25
«Правды нет и не будет никогда»	26
Право матери	29
1.3 Близкие — противники войны	32
Попытки переубедить	33
Опыт войны и реакция на помощь	35
Дезертировать, спрятаться, заболеть	38
Антивоенные взгляды и возможность кооперации	41
Выводы первой части	45
ЧАСТЬ 2. Коллективное действие:	
женщины против государства	47
2.1 Кто участвует в движении «Путь домой»?	48
2.2 От тревоги за мужа до «Марша пустых кастрюль»: процесс радикализации участниц движения «Путь домой»	49
Неуспешные попытки уберечь	49
«Петька пойдет, Васька пойдет, а я тут за твою юбку держаться буду?»: оценивая издержки уклонения	50
«Нам ваши деньги не нужны – верните наших мужиков!»	56
«Мобилизованные – кто они вообще такие?»: Прояснение легального статуса и письменные обращения ..	58
Протест	61

2.3 Динамика отношений с государством	65
«Просто скажите, на сколько вы их забрали?»	65
Право семьи и право на семью	70
Разочарование в государстве	71
Как критиковать войну и государство?	74
2.4 Между двух миров	78
«Я живу в каком-то другом мире, чем раньше»	79
«У каждого своя семья»	81
Эмоции и радикализация	84
2.5 Формирование групповой идентичности	86
«Нас просто вычеркнули из общества»	87
«Мы для всех козлы отпущения»	89
Отношения с близкими	91
Отношения с мужьями и партнерами	93
Спасение от изоляции	96
Выводы второй части	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
Как возможен протест в современной России?	101
Право на частную жизнь	107
Право на протест	108

САММАРИ

1. Несмотря на риски для жизни, мужчины, попавшие под мобилизацию, не пытались избежать отправки на фронт из-за неверной оценки этих рисков, гендерных стереотипов («настоящий мужчина идет служить, а не уклоняется») и недостаточной осведомленности о ситуации на фронте.
2. Оказавшиеся на фронте мобилизованные и контрактники хотели покинуть зону «СВО», потому что их опыт участия в боевых действиях не соответствовал их ожиданиям.
3. Жены и партнерки мобилизованных, которые боролись за возвращение своих близких домой, не были заинтересованы в выплатах за участие в войне. Напротив, некоторым из них приходилось тратить собственные материальные ресурсы на помощь близким.
4. Сталкиваясь с типовыми проблемами и угрозами правам близких, даже не осведомленные о деятельности правозащитных организаций люди были склонны обращаться к помогающим инициативам, в том числе к НКО. Однако в случае непредсказуемого и не имеющего юридических прецедентов, таком, как частичная мобилизация, эти организации могли предоставить лишь ограниченную помощь. *Движение «Путь домой» стало ответом на запрос, который не могли удовлетворить уже существующие помогающие инициативы:* установление сроков службы и демобилизация частично мобилизованных.
5. Мы выделили четыре стратегии помощи близким, находящимся в российской армии.
 - ▶ *Индивидуальное действие в правовых бюрократических рамках* (написание обращений в органы власти, звонки в часть, жалобы и запросы в военную прокуратуру);
 - ▶ *Коллективное действие в правовых бюрократических рамках* (например, написание коллективных обращений и жалоб, составление петиций);

Когда для решения проблем, связанных со службой в армии или участием в военных действиях, не существует правовых бюрократических методов, люди прибегают к неформальным практикам, самоорганизации и протесту.

- ▶ *Неформальное индивидуальное действие* (попытки убедить близкого человека подписать отказ от участия в военных действиях, дезертировать, сделать дополнительное медицинское обследование; попытки приехать за военнослужащим в часть, самостоятельно перевезти его через границу);
 - ▶ *Коллективное протестное действие* (пикеты, демонстрации, возложение цветов). Для перехода к протестному коллективному действию должны присутствовать дополнительные факторы.
6. *Социальные статусы матери и жены в российском обществе способствуют уверенности в праве защищать своих близких любыми методами.* Поэтому матери срочников, жены и партнерки мобилизованных в ситуации войны образуют группы, из которых потенциально могут сформироваться общественные движения.
 7. Частичная мобилизация послужила толчком для протеста по нескольким причинам. Во-первых, это была *беспрецедентная мера – не существовало привычных способов защитить права близких в такой ситуации.* Во-вторых, воздействие мобилизации на жизнь семей мобилизованных было *и шоковым, и затяжным* – из привычной семейной жизни жены и партнерки мобилизованных попали в ситуацию нескончаемого ежедневного стресса, связанного со страхом за жизнь близких и неизвестностью по поводу того, когда они вернутся домой. В-третьих, воздействие частичной мобилизации на жизни не только мобилизованных, но и их родственников, оказалось *одновременным и неограниченным по времени: у мобилизации не было и до сих пор нет срока окончания.*
 8. Участницы «Пути домой» были объединены общностью не политических взглядов, а опыта, не в последнюю очередь эмоционального. Чувствуя отверженность и изоляцию от государства (которое забрало их близких и стало нападать на женщин, когда они попытались их вернуть), общества (живущего мирной жизнью как ни в чем не бывало) и даже от друзей (не способных понять и разделить их ежедневную тревогу), они ощущали солидарность друг с другом. В «Пути домой» эти женщины нашли поддержку со стороны таких же, как они. Все это помогло им преодолеть страх репрессий и превратить свои негативные переживания в источник энергии для коллективного действия, которому не препятствовали различия во взглядах на войну.

9. *Государство само подготовило почву для протеста против частичной мобилизации.* Объявив ее, оно создало новые социальные квазигруппы, состоящие из мобилизованных и их семей. Эти люди были не только наделены особыми привилегиями (выплаты, льготы и т. д.), но и поражены в гражданских правах, не говоря о том, что они оказались в ситуации смертельного риска. В результате между членами их семей сформировалась *ситуативная солидарность, которая переросла в коллективное действие.* *Объявление частичной мобилизации разделило российское общество,* позволив большинству игнорировать войну за счет поражения в правах мобилизованных и членов их семей.
10. Протестуя против государства, участницы движения «Путь домой» опирались на консервативные ценности, риторику и символику. Они действовали в рамках ролей, навязанных им государством: выступали как «настоящие женщины», защищающие семью и традиционные ценности, стремящиеся вернуть своих мужей и партнеров к домашнему очагу. Статусы жены, невесты и матери участников войны защищали их от прямых репрессий со стороны государства.

ВВЕДЕНИЕ

Полномасштабное вторжение России в Украину не только повлияло на жизни обычных людей, но и изменило устоявшиеся практики службы в армии. Ряды военнослужащих пополнили «мобики» — так стали называть мужчин, призванных в армию в ходе «частичной мобилизации», объявленной [указом](#) президента России 21 сентября 2022 года. Эта неожиданная и чрезвычайная мера вызвала бурную общественную реакцию. В некоторых городах прошли [протестные акции](#), на которых в сумме было задержано почти 2.5 тыс. человек. [От 600 тыс. до миллиона](#) человек, в основном, мужчин, покинуло Россию после объявления частичной мобилизации. Правда, многие из них вернулись, когда поняли, что опасность (пока) миновала. Спонтанные митинги, скорый отъезд, судорожные попытки уберечь близких оказались лишь краткосрочной реакцией на мобилизацию.

Однако мобилизация запустила и менее заметные, зато более долгосрочные процессы, связанные с общественной активностью. Например, в России появилось социальное движение «Путь домой», объединившее в основном жен и партнеров мобилизованных, которые до сих пор борются за возвращение своих близких. Возникли новые помогающие инициативы, консультирующие тех, кто получил повестки и не захотел идти воевать. Наконец, продолжили свою работу уже существующие организации, которые годами помогали военнослужащим и их родственникам, столкнувшимся с проблемами во время срочной или контрактной службы. Теперь их клиенты имеют дело с новыми проблемами: например, принуждением подписать контракт и отправиться на войну или переброской срочников на границу с Украиной.

Как мы знаем из нашего [предыдущего исследования](#), в глазах многих людей война и армия — это разные вещи: на войне убивают, там можно умереть, в армии же достаточно отслужить положенный срок и можно вернуться домой. Когда началась так называемая «специальная военная операция», граница между службой в армии и войной оказалась размытой. Срочников стали перебрасывать на границу с Украиной и склонять к подписанию контрактов, чтобы затем отправить в зону военных действий. Чуть позже в результате частичной мобилизации на войну попали мужчины, которые ошибочно полагали, что их участие в «СВО» будет похожим на срочную службу. Это исследование посвящено тому, как разные люди пытаются решить проблемы своих близких, столкнувшихся с нарушением прав в российской армии во время войны против Украины.

Мы поговорили с родственниками, друзьями и членами семей солдат срочной службы, контрактников и мобилизованных, которые пытались повлиять на судьбу своих близких, оказавшихся в российской армии в 2022 году. Кто-то из них присоединился к протестному движению родственников мобилизованных «Путь домой». Кто-то действовал в одиночку: обращался в профильные НКО и к инициативам, занимающимся помощью военнослужащим и их родственникам (например, к телеграм-каналам и чат-ботам, через которые можно получить консультацию). Среди наших собеседников были как те, кто столкнулся с частичной мобилизацией и последствиями войны, так и те, чьи проблемы не были связаны с войной (среди последних оказались, например, матери срочников, проходивших службу на территории России и не получивших необходимую медицинскую помощь во время службы).

В этом отчете мы объясняем, почему все эти люди не захотели молчаливо покориться судьбе, а решили, несмотря на свои опасения и страхи, бороться за своих близких. Кроме того, мы рассказываем, почему кто-то из них ограничился обращениями к власти, а кто-то вышел на протест. Изменил ли этот опыт борьбы их отношение к войне и российскому государству? И, наконец, как возможен протест в современной России?

Анализируя, как и почему люди выбирают разные стратегии помощи близким, мы затрагиваем более широкие темы: отношения между обществом и государством, между мирной жизнью и войной. Жены и родственники мобилизованных живут и в мире гражданской жизни, которую российское государство всячески оберегает, и в мире войны, где находятся их близкие. Они, как и матери солдат срочной службы или родственники контрактников, вынуждены взаимодействовать с государством для того, чтобы найти решение проблем, с которыми столкнулись их близкие. Понимание стратегий взаимодействия с государством, выбираемых нашими собеседниками и собеседницами, проливает свет на типичные и широко распространенные в российском обществе взгляды на государство и связанные с ним ожидания.

МЕТОДОЛОГИЯ

В период между октябрём 2023 года и мартом 2024 года сотрудники Лаборатории публичной социологии провели двадцать пять глубинных интервью с родственниками, членами семей и близкими военнослужащих, а также одно интервью с адвокатом, защищающим интересы военнослужащих и их родственников.

Двенадцать информантов и информанток — членов семей и близких военнослужащих — мы нашли через правозащитные организации, НКО и проекты, консультирующие и оказывающие юридическую помощь призванным, военным, мобилизованным, их близким и родственникам. Наши информанты обратились к этим инициативам (среди которых были и уже известные НКО, и проекты, возникшие после начала войны), чтобы помочь своим близким, оказавшимся в российской армии в качестве призванных, мобилизованных или контрактников. Этой группе посвящена первая часть нашего отчета.

Еще тринадцать интервью мы провели с участницами движения «Путь домой» — женами и матерями мужчин, призванных в армию осенью 2022 года в результате «частичной мобилизации». Движение «Путь домой» возникло вокруг одноименного телеграм-канала, появившегося в конце августа 2023 года. Его участницы выступали за демобилизацию и установление сроков службы частично мобилизованных, сначала пытаясь наладить коммуникацию с органами власти, а позже, разочаровавшись в этой стратегии, начали публично критиковать частичную «мобилизацию» и (без)действие государства, — в том числе через участие в протестах. Участницы движения были рекрутированы для интервью методом снежного кома, то есть по рекомендации знакомых и тех, с кем уже было проведено интервью. Этой группе посвящена вторая часть отчета.

Все интервью проводились онлайн, а имена информантов и информанток, которые мы используем в отчете, вымышленные. Две информантки предпочли ответить на вопросы интервью письменно. Интервью длились от 20 минут до нескольких часов, при этом большинство бесед заняло около часа. Гайд интервью включал вопросы о ситуации, в которую попали информант(ки) и те, кому они пытались помочь; о действиях, предпринимаемых и теми, и другими для того, чтобы повлиять на ситуацию; об опыте службы их близких и о том, как он повлиял на их отношения; о реакции их ближайшего окружения на ситуацию, в которой они оказались; об их эмоциональном состоянии и его изменении со временем; об отношении к войне; об опыте взаимодействия с различными государственными структурами.

В этом отчете мы отвечаем на несколько вопросов:

- ▶ Во-первых, какие стратегии помощи своим близким — солдатам срочной службы, мобилизованным и контрактникам, попавшим на фронт, — использовали наши собеседницы и собеседники, и что повлияло на их выбор?
- ▶ Во-вторых, почему одни родственники военнослужащих и мобилизованных стали обращаться к помогающим инициативам, а другие присоединились к общественному движению?
- ▶ И, наконец, каким образом опыт взаимодействия с государством повлиял (или нет) на отношение близких военнослужащих к российскому политическому режиму и к войне против Украины?

Этот отчет состоит из двух частей и заключения.

Первая часть посвящена тем близким военнослужащих — срочников, мобилизованных и попавших в зону военных действий контрактников — которые обращались к помогающим инициативам, но действовали отдельно друг от друга.

Вторая часть посвящена участницам «Пути домой», которые присоединились к общественному движению для того, чтобы помочь своим партнерам, мужьям и сыновьям вернуться с фронта.

В заключении мы суммируем наши наблюдения, ответив на вопрос: как возможен протест в современной России?

ЧАСТЬ 1

**Индивидуальное действие:
близкие военнослужащих
и помогающие инициативы**

1.1 Кто такие близкие военнослужащих?

Эта часть посвящена тому, как родственники, члены семей и друзья пытались помочь своим близким, оказавшимся в российской армии. Их действия включали в том числе обращение к специализированным НКО и инициативам. С кем именно нам удалось поговорить?

- ▶ Среди наших информантов были отцы двух контрактников: молодого профессионального военнослужащего и срочника, подписавшего контракт под давлением после начала боевых действий в Украине. Они пытались помочь своим сыновьям разорвать контракт и покинуть армию или хотя бы избежать участия в военных действиях. Также в выборку попали дочери двух мужчин старшего возраста, один из которых подписал контракт с Министерством обороны летом 2022, до начала «частичной мобилизации», а второй — летом 2023 года, после ее начала. Оба сделали это добровольно, следуя собственному желанию принять участие в военных действиях и «защитить Донбасс».
- ▶ Кроме этого, мы поговорили с пятью матерями солдат срочной службы, которые были призваны в армию после начала войны. Один из них погиб при непонятных обстоятельствах в военной части на территории России. Трех других должны были отправить в зону боевых действий, но из-за болезни или внезапного ухудшения их здоровья этого не произошло. Пятый солдат весь срок службы находился в Крыму. Их матери обращались в НКО и помогающие инициативы с разными запросами: содействие в расследовании смерти сына; получение медицинской помощи и повторное прохождение военно-врачебной комиссии (ВВК) в связи с резким ухудшением здоровья; безопасное прохождение срочной службы в связи с близостью к зоне военного конфликта.
- ▶ Также мы поговорили с близкими — матерью, бывшей женой и подругой — троих мобилизованных, двое из которых на момент проведения интервью участвовали в боевых действиях. Бывшая жена и подруга пытались помочь мужчинам покинуть армию, а мать — добиться отпуска, медицинской помощи и материальной компенсации за травму, полученную сыном во время все еще продолжающейся службы.

Среди наших собеседниц и собеседников в равной мере представлены как противники, так и непротивники войны. Непротивниками войны мы называем тех, кто склонен, хотя бы частично, оправдывать войну с Украиной, действия российской власти и говорить о войне как о вынужденной со стороны России мере. Все непротивники войны в нашей выборке — это матери: четыре матери срочников и одна мать мобилизованного.

Противники войны, напротив, не считают войну оправданной. Их отношение к российской власти является гораздо более критическим. В нашей выборке оказались и те, чьи оппозиционные взгляды сформировались задолго до войны, и те, чья позиция оформилась уже после ее начала, когда они стали следить за новостями, в первую очередь, через оппозиционные СМИ. Противники войны в нашей выборке — это отцы молодых мужчин, подписавших контракт с Министерством обороны после окончания срочной службы и начала полномасштабного вторжения; дочери двух мужчин, которые вступили в ряды российской армии, ведущей войну, добровольно; бывшая жена и подруга двух мобилизованных, и только одна мать срочника.

Мы выяснили, что именно политические взгляды и отношение к войне больше, чем какие-либо другие факторы, повлияли на действия тех, кто пытался помочь своим близким, попавшим в российскую армию. Кроме того, сыновья матерей, оправдывающих войну, и большинство близких антивоенных информантов столкнулись с разными проблемами: первые — с проблемами срочной службы (даже мать мобилизованного, которая попала в эту группу, пыталась не вернуть сына домой, а помочь ему решить проблемы, типичные для армии мирного времени: медицинская помощь, выплаты, отпуска), а вторые — с проблемами службы во время войны. Соответственно, они вынуждены были использовать разные методы борьбы за своих близких. Поэтому в этой части отчета мы сначала рассказываем о матерях, оправдывающих или поддерживающих войну, а потом, отдельно, о наших антивоенных собеседниках.

1.2 Матери, оправдывающие войну

Матери четырех срочников и одного мобилизованного молодого мужчины, описываемые в этом разделе, сходны не только в том, что они поддерживали или оправдывали войну с Украиной. Общим для всех этих женщин было базовое доверие государству, и, соответственно, государственным институтам, в частности, институту армейской службы. Их

сыновья не пытались уклониться или избежать срочной службы или мобилизации, и сами матери не склоняли их к этому, несмотря на наличие у троих мужчин непривычных заболеваний и серьезных проблем со здоровьем (которые усилились после попадания последних в армию). Именно тревога за здоровье и жизнь своих сыновей заставила четырех матерей обратиться к помогающим организациям, в то время как пятая пыталась добиться справедливости в деле, связанном со смертью ее сына во время срочной службы.

Действия матерей

«Мы не имеем права отказаться»

Как мы уже показывали в одном из предыдущих отчетов, [«Не будить великана: кто, как и почему избегает срочной службы в России?»](#), чем меньше у молодых людей возможностей уклониться от армии и карьерных перспектив за пределами армии и силовых структур, тем чаще они рассматривают срочную службу как необходимый этап своей жизни. Иными словами, социальное неравенство напрямую влияет на то, пытаются ли молодые люди избежать армии или идут служить.

Матери срочников, которым посвящен данный раздел, рассказывали, что, получив повестку, их сыновья даже не рассматривали возможность уклонения от армии: они не хотели «бегать» и «прятаться за мамкину юбку». Сами же матери считали службу в армии необходимой частью процесса взросления мужчины. Кроме того, те, кто проживал в небольших населенных пунктах, где карьерные возможности ограничены, считали службу важным условием успеха в жизни и транслировали это представление своим сыновьям. Например, Анна, жительница небольшого поселка недалеко от границы с Украиной, рассуждала следующим образом:

«Нет [мой сын не пытался избежать армии]. [У него было] желание [пойти служить]. И мы *настраивали*. И все [его] как-то с детства **готовили** к тому, что он мальчик и ему нужно служить. Потому что я прекрасно понимала, что **сейчас очень сложно без службы в армии куда-то устроиться**. Поэтому как бы нет, никаких отговорок не было, хотя у него были проблемы со здоровьем, конечно. И шел он с желанием служить» (ж., около 50 лет, администратор в школе).

Сын Антонины, молодой мужчина, погибший за месяц до окончания срочной службы, решил не откладывать армию даже до завершения учебы из-за сложного материального положения семьи. При этом необходимость служить как таковая вообще не ставилась им (и его матерью) под вопрос:

«Он [сын] вообще-то учился в техникуме, ему полгода оставалось до диплома. Я ему говорила: “Закончи, потом пойдешь в армию”. — “Мама, ну ты же сама сейчас выходишь на защиту [итоговой квалификационной работы]”. У меня [идет обучение] и надо было его оплачивать, денег не хватало. И он говорит: “Я сейчас пока вот служу, ты закончишь, защитишься и, соответственно, потом я приду из армии, восстановлюсь и закончу техникум»» (ж., около 40 лет, юрист).

Интересно, что у сыновей четырех из пяти матерей — непротивниц войны, с которыми нам удалось поговорить, были серьезные проблемы со здоровьем, которые должны были стать преградой для прохождения ими срочной военной службы или мобилизации. Однако в трех случаях наши информантки и, по их словам, их сыновья, не считали эти проблемы препятствием для попадания в армию, а еще в одном случае молодой человек был призван, несмотря на попытки матери добиться освобождения от службы. Евгения, чей сын перед тем, как его мобилизовали в 2022 году, уже успел отслужить в армии, несмотря на противопоказания по здоровью, так рассказывала о его решении «не прятаться» и пройти срочную службу:

«Он с детства стоял на диспансерном учете. Но получилось так, что мы живем в сельской местности — и роды были тяжелые, и все прочее, и нарушения с сердцем были и нервная система — у него со школьной скамьи — я как-то раньше не замечала — с шестого класса тремор рук начался. **Но в армию он все равно пошел, он сказал: “Я не буду прятаться за мамкину юбку, я все равно пойду в армию”.** Сходил в армию, отслужил» (ж., около 50 лет).

Наконец, мы обнаружили, что матери срочников, как и многие потенциальные призывники, которых мы опрашивали в нашем предыдущем исследовании, не предполагали, что война может как-то повлиять на срочную службу их сыновей: им или «не приходило в голову», что их детей могут отправить в зону боевых действий, или же они полагались на уверения чиновников в том, что такое невозможно. На этом фоне показательно, что трое из шести срочников, с матерями которых нам удалось

поговорить, избежали попадания в зону боевых действий только по удачному стечению обстоятельств — из-за внезапной болезни или ухудшения здоровья накануне их предполагаемой отправки на территорию Украины.

Оправдывающих войну матерей объединяло базовое доверие к государству, которое не исчезло даже тогда, когда они столкнулись с нарушениями (например, неоказанием медицинской помощи) в отношении своих детей. В отличие от противников войны, не доверявших государству ни при каких обстоятельствах, оправдывающие войну матери полагали, что в армии их дети находятся под надежной защитой и надзором. Например, Ольга, мать срочника, который должен был получить непризывную категорию из-за хронического заболевания, но, несмотря на наличие всех необходимых документов, все же был признан годным военной комиссией, так объяснила, почему они не попытались склониться от службы:

«Ну, во-первых, я же сказала, что была уверена, что он... его категория... ну столько он обследований приходил и предоставлял справки со всех больниц, мы заверяли. То есть, военкомат просил справки заверить во всех больницах, где он лежал. То есть для подтверждения его диагноза, соответственно, у специалистов, профильная клиника. Ну, я думала, что это протокольные мероприятия для того, чтобы собрать, что он реально с этим заболеванием практически всю жизнь проживает, и оно у него не прошло, никуда не делось... **Ну, мы законопослушные граждане, поэтому, естественно, n-го числа он явился. И как мы могли... Ну в смысле? Ну как, бежать, прятаться — нет конечно**» (ж., около 45 лет, юрист).

Даже когда государство нарушило собственные правила, Ольга не была готова сама превратиться в разрушителя. Идея «бежать, прятаться» казалась ей, как и многим другим, чем-то унижающим достоинство. Евгения похожим образом рассказывала о том, как ее сын, который из-за проблем со здоровьем не должен был оказаться даже на срочной службе, не говоря уже об участии в боевых действиях, с достоинством отреагировал на повестку осенью 2022 года:

«[Он] спокойно отреагировал [на повестку], конечно. **Раз сказали — надо, значит надо.** Он не умеет у меня притворяться, халтурить, что-то жаловаться и так далее. **Надо — значит надо, пошел защищать родину... Мы не имеем права отказаться. Как мы можем отказаться?** Нас зарплата, скажем так, не интересовала. Конечно, у меня был очень сильный удар, шок, потому что единственный ребенок, единственный сын.

Поэтому... Ну, раз повестку прислали, значит... Как говорится: **“Родина сказала надо — значит надо”... Не было такого, чтобы отмазаться или еще что-то. Положено — значит положено... У него даже не было этого в мыслях. Да и не умеем мы так — что мой сын, что я. Мы не так воспитаны»** (ж., около 50 лет).

Примечательно, что по словам Евгении, социальные выплаты не были в числе факторов, которые играли роль при принятии ее сыном решения о мобилизации. Напротив, она призналась, что существенная часть зарплаты ее сына, а в первые два месяца службы — и ее собственной, уходила на покрытие расходов, связанных с войной:

«Интервьюер: А ваш сын, я так понимаю, ему самому пришлось все купить, когда его призвали?

Евгения: Когда его призвали — да. **Я две месячных зарплаты своих отправила сразу, чтобы купить ему палатку, спаль- ный мешок.** Потом уже от волонтеров отправили палатку, доставили. В общем, какие-то вещи там были. И на сигареты нужны деньги... Он поехал — откуда мы знали сколько и чего? И зарплату им начали выплачивать в конце ноября, а забрали в сентябре... От сына [я ничего не получаю], зарплату он тратит на себя полностью... Лекарство надо купить, сигареты, форму они полностью покупают все. Им как выдали, когда их мобилизова- ли, а остальное они покупают все свое... Он работает на машине, он водитель. И получается как? Он за машину отвечает: он и заправляет машину, и запчасти если какие полетели, то он покупает за свой счет. И генераторы, они складываются и покупают, чтобы электричество было. **В общем, фактически все покупают за свой счет.** И на дорогу, и все прочее... Когда он поехал на ВВК [военно-врачебная комиссия], то он снимал жилье, платил. В общем, я не спрашиваю с него денег» (ж., около 50 лет).

Таким образом, оправдывающие войну матери полагали, что долг обя- зывает каждого мужчину подчиняться призыву государства. Даже те из них, чьи сыновья не должны были оказаться на войне или на срочной службе по состоянию здоровья, относились к государству с достаточным довери- ем для того, чтобы верить ему судьбу своего ребенка.

Тревога и уточнение ситуации

Оправдывающие войну матери начинали действовать, когда понимали, что их сыновьям грозит реальная опасность, например, из-за резкого ухудшения здоровья ввиду усиления хронического заболевания или возможной отправки в зону боевых действий. Несмотря на то, что сами матери охотно рассуждали о необходимости службы для «возмужания» своих сыновей, те все равно оставались для них «детьми», то есть объектами заботы.

Например, Ирина еще в начале службы сына узнала, что его собираются отправить на границу с Украиной, да еще и туда, где недавно разбомбили палаточный лагерь российских военных. Сначала она попыталась уточнить ситуацию: насколько серьезна угроза и каковы легальные основания для решения об отправке ее сына в опасную зону. Чем больше она узнавала, тем страшнее ей становилось:

«...Когда его забрали, сразу же ему сказали, что поедет служить в Крым... Я стала смотреть информацию, что это такое, насколько это как бы безопасно. **И вроде бы как успокоилась, думаю, ну, ничего, вроде наше правительство поддерживает и Минобороны, чтобы туда ехали наши дети на учебу...** Но потом вдруг я узнаю, что те дембеля, которые стояли там на границе ... Их разбомбили вдруг. И якобы есть жертвы... Ну, конечно, я посмотрела в интернете эту информацию. Там не нашла. Соответственно, возможно, ее не выложили. Я нашла кучу другой зато информации, которая меня повергла в шок... **Ну, я поняла, что это территория небезопасная для нахождения детей... Я как мать, ну, понимаете сами... Что я его тем более растила одного, и я хотела бы, чтобы срочную службу он проходил в безопасном месте»** (ж., около 44 лет, инспектор по качеству на заводе).

После этого Ирина обращалась в несколько организаций, которые занимаются помощью военнослужащим, и звонила в военную прокуратуру. Сама она объяснила свои действия так:

«Я просто собирала пока материал и думала, что я наберу материал, чтобы я смогла обратиться, чтобы у меня была почва под ногами, вот... То есть я смотрела практику, я получала информацию по каким-то правовым нормам. Потому что дело в том, что мне не очень было, ну, [пауза] было разобраться, потому что для меня вот это [пауза] оно как бы не очень понятное».

Однако ситуация разрешилась сама собой, по крайней мере, временно, когда сын Ирины заболел перед отправкой в палаточный лагерь. Ирина приостановила свою деятельность, но продолжила «держать руку на пульсе». От упреждающих шагов ее удерживал в первую очередь страх навредить своему сыну:

«Сама я пока [с официальным запросом] в прокуратуру не обращалась. Если честно, я побаиваюсь это делать. Потому что **я не знаю, как отразится это на дальнейшей службе сына. Я не знаю, насколько прокуратура как бы посмотрит на эти мои обращения, как она воспримет...** [Они] со мной по телефону этот вопрос не стали обсуждать. Не знаю, конечно, как будет складываться, как обстоят у нас дела дальше. Но пока у нас обстоят дела именно вот так. **Хотя мне, конечно, тяжело осознавать, что другие ребята туда поехали...** Я не знаю просто, насколько эти органы, насколько эта часть подконтрольная военной прокуратуре и как военная прокуратура отнесется к моему обращению? И не будет ли дальше на моего сына оказано какого-либо воздействия? **И как ему потом будет служить в своей части после моего обращения?** Это я тоже... Мне очень тяжело расценить».

Анализируя стратегии уклонения от службы потенциальных призывников, мы использовали метафору «не будить великана» для описания отношения многих из них к государству. Эта метафора как нельзя удачна и здесь: Ирина приостановила свою деятельность по активному спасению сына, поскольку не хотела растревожить государство-великана, реакцию которого невозможно предсказать. Впрочем, ее опасения были вполне обоснованными. По свидетельству адвоката из небольшого поселка, который консультировал военнотружущих, желающих покинуть армию, прямые угрозы «жалобщикам» в текущей ситуации — не редкость:

«...Недавно приезжал буквально вот в мое поселение сотрудник военкома, который рассказывал про субсидии для мобилизованных. Вот он тоже самое сказал, что **ребята, если будете жаловаться в прокуратуру, вашим там детям будет гораздо хуже, чем им сейчас там есть.** То есть никто этого особо не скрывает» (м., 28 лет, юрист).

На этапе уточнения ситуации все матери, с которыми мы поговорили, действовали в одиночку. Это касается и последующих действий, которые матери предпринимали в случаях, когда проблемы их сыновей не разрешались сами собой. Именно так произошло в случае с сыном Ирины.

В рамках закона

Если ситуация не разрешалась сама собой, оправдывающие войну матери срочников и мобилизованных начинали задействовать формальные (следующие установленным процедурам) и правовые методы: они звонили в часть и писали запросы в различные государственные органы, обращались к некоммерческим организациям, чтобы получить совет, помощь в оформлении документов или консультацию адвоката.

Из историй, рассказанных нам матерям срочников, становится очевидным, что армия легко принимает тех, кто не должен там оказаться, но с трудом отдает их обратно. Вот что рассказала Анна, мать срочника с непризывным заболеванием, о своих попытках добиться медицинского обследования для своего сына:

«...У него начались проблемы с ногами, у него вены, ему становилось все хуже и хуже. Он уже с трудом передвигался... И вот тут я уже начала бить в колокола, понимая, что его даже не ложут в госпиталь на обследование или там на лечение, потому что понимали, что это непросто, не есть хорошо. **И я вот уже тогда начала биться, искать телефоны, обзванивала везде...** Вот она [сотрудница одной из помогающих организаций, куда она обратилась] мне подсказывала, куда мне обращаться тоже, куда писать мне письма, чтобы его положили, направили... Они [в части] это старались укрывать, умалчивали, пока уже пошли проблемы более серьезные. Он уже с трудом передвигался... И, конечно, я теребила всех, куда можно. Писала, куда только у меня возможность была. Куда можно было, я писала. И старалась найти какую-то помощь, чтобы мне ребенка направили хотя бы на обследование, на лечение, на ВВК [военно-врачебную комиссию]» (ж., около 50 лет, администратор в школе).

Несмотря на то, что значительную часть службы сын Анны провел в различных медицинских учреждениях, в одном из которых его избили, чтобы он «не жаловался», диагноз и необходимую медицинскую помощь он смог получить только после демобилизации.

Похожая история произошла и с Ольгой. Ее сын не должен был попасть в армию из-за непризывного заболевания, но военно-врачебная комиссия проигнорировала это, и он получил категорию «годен». Еще до его отправки в армию Ольга обратилась в администрацию района, в котором находилась призывная комиссия, и в администрацию губернатора, но ответы на эти запросы пришли, когда ее сын уже был в статусе военнослужа-

щего. Затем она стала обращаться в различные помогающие организации. Однако ее сын не успел попасть в часть, так как его хроническое заболевание обострилось, когда он проходил «курсы молодого бойца». Из-за этого его отправили на дополнительное обследование, и это дало Ольге надежду на то, что он все-таки сможет получить непризывную категорию. На момент интервью Ольга еще не знала, чем закончится эта история.

Матери и государство

Вечные слезы

Все матери военнослужащих, с которыми нам удалось поговорить, испытывали сильную тревогу, страх и отчаяние. «Кажется, что для меня жизнь остановилась», — описывала свое состояние Евгения, мобилизованный сын которой получил сильнейшие осложнения в результате служебной травмы, но так и не был комиссован. «Для меня все, кажется, пусто стало. И вечные слезы, ежедневные слезы — больше ничего» (ж., около 50 лет).

Наши информантки отмечали, что они не всегда могут — и хотят — делиться своими переживаниями с окружающими их людьми. Евгения рассказала:

«Честно сказать, мне настолько тяжело... мне даже разговаривать не хочется ни с кем. Я вам честно говорю, даже рот не открывается. Я уже в себе замкнулась, потому что с этим горем... Извините, не могу [плачет]» (ж., около 50 лет).

Однако в отличие от участниц движения «Путь домой», которые, как мы покажем далее, после мобилизации своих мужей постепенно обнаружили себя в социальной изоляции, матери срочников и мобилизованных не чувствовали себя изолированными от общества. Например, Евгения рассказала, что окружающие беспокоились и спрашивали о ее сыне. А Ольга призналась, что, хотя никто из ее окружения не оказывал ей реальной помощи, ее близкие все же проявляли интерес к ситуации:

«Нет, меня [окружающие] не критикуют [за то, что я хочу помочь сыну]. Естественно, они также переживают, и тоже для них это было неожиданностью, потому что знали, естественно, сына с рождения и знали о его проблемах со здоровьем... **Сказать, что поддерживают... ну, наверное, да, поддерживают, во всяком случае интересуются**, как его самочувствие. Я рассказываю, делюсь... Все переживают» (ж., около 45 лет, юрист).

Таким образом, хотя матери — непротивницы войны, обратившиеся в помогающие организации, оказались наедине со своим горем, они не чувствовали, что их положение каким-то образом превратило их в изгоев, исключенных и отринутых большинством.

«Правды нет и не будет никогда»

Негативный опыт взаимодействия с российской государственной системой в целом и армией в частности не привел матерей, оправдывающих войну, к радикальному переосмыслению своих взглядов и отношения к государству. Так, иногда матери, несмотря на испытания, которые им и их сыновьям пришлось пройти, продолжали верить в то, что система работает так, как и должна, — за исключением, конечно, эксцессов. Например, Анна, чей сын фактически превратился в инвалида во время срочной службы, осталась убеждена в необходимости опыта службы в армии для любого мужчины:

«Анна: Мемуары такие уже можно написать, конечно. Очень много нам пришлось пережить в силу того, что все не верили [что мой сын болен]. Думали, что он все *косит и косит*. А лучше не делалось...

Интервьюер: Вы как-то стали по-другому видеть то, что происходит в разных государственных структурах?

Анна: Нет, я не изменила [своего мнения]. **Должен служить, должен. Армия учит очень многому. Это было, есть и будет.** Это всегда такое было. Ну просто **хотелось бы, единственное, чтобы больше на них обращали внимание, прислушивались...** Я считаю, что перед уже призывом надо досконально обследовать, чтобы дети не приходили вот с такими вот проблемами туда. А армия, считаю, очень многому учит. Нет-нет, никогда не настраивала сына, и **даже сейчас все равно я горжусь сыном, что как бы тяжело ему не было... Но тем не менее я считаю: нет, армия — это должен каждый мужчина пройти.** Он становится взрослее там. Он меняется. Он по-другому смотрит на мир. Он уже выходит более подготовленный, чем уходит туда. Потому что дом — это есть дом. Мы дома любим, мы это сюсюкаемся, пупуськаемся, это все. Но когда в армии — да, тяжело им, да, адаптация, тяжело. Если, конечно, проблем со здоровьем нет, то потихоньку как бы служить можно. Но факт того, что я хочу сказать, что даже сейчас... **Но только вот единственное, что все-таки плохо**

с лечением в армии, потому что нехватка медикаментов, не особо обращают внимание на них» (ж., около 50 лет, администратор в школе).

В других же случаях наши информантки признавались, что стали по-другому — имея в виду, более критически — смотреть на вещи, однако они не могли четко сформулировать свою критику по отношению к государству и армии. Например, Евгения, чья история во многом похожа на историю Анны, за исключением того, что здоровье ее сына резко ухудшилось после того, как тот был мобилизован, а не во время прохождения срочной службы, так ответила на вопрос о своем отношении к армии и государству:

«Интервьюер: А ваш опыт взаимодействия с военными структурами, с военной прокуратурой, он как-то изменил ваше отношение к государству, к тому, что происходит, к СВО, к президенту, к политикам, к российской армии?»

Евгения: Интересный и трудный вопрос. **Как вам правильно ответить на него?**

Интервьюер: Ну, как по вашим ощущениям?

Евгения: **Ну, знаете, у меня папа всегда говорил: «Дочка, правды нет и не будет никогда, тем более на войне».** Вот я могу этим ответить на ваш вопрос, только таким способом. Больше не знаю, как ответить... Привожу пример — получил сын травму там, защищая родину, а никаких выплат ему больше не положено. Он утробил свое здоровье. Ушел здоров, а теперь и зрение у него упало, и все, и речь пропала. Но государство сказал: «Если бы ранили его, то он бы получил. А так — нет». **Как можно относиться и о чем говорить, скажите?»** (ж., около 50 лет)

В ответе Евгении интересно следующее: очевидно, что ничего хорошего ни про свой, ни про сыновний опыт взаимодействия с государственными структурами она сказать не может. По сути, государство обмануло их: призвало ее сына «защищать родину», а когда он получил травму, отказалось ему помогать. Но также очевидно и то, что у нее нет слов, чтобы четко сформулировать это недовольство. Она указывает на то, что ее отношение изменилось не в лучшую сторону. Но вопрос о том, кто несет ответственность за ситуацию с ее сыном, остается без ответа. Недаром она начинает рассуждение с отсылки к своему отцу, который сказал, что «правды не будет никогда»: это безличная конструкция, констатирующая несправедливость мира и невозможность что-либо с этой несправедливостью сделать.

Неготовность некоторых матерей — непротивник войны обвинить в своих бедах государство и осудить войну происходит, с одной стороны, из их непосредственного опыта взаимодействия с государством — сбивающего с толку и часто бессмысленного. Кого винить, если не всегда понятно, что случилось и к кому обращаться? С другой стороны, в этой неготовности к обвинению отражается представление многих людей о государстве как о непредсказуемой силе, которая действует по каким-то своим законам — забирает детей, перемещает их, возвращает их покалеченными, мертвыми, или не возвращает вовсе. С таким государством бесполезно бороться, поэтому его бесполезно и критиковать, — так рассуждают многие матери мобилизованных и срочников. Однако в отдельных ситуациях можно попробовать добиться от него небольших уступок.

Еще одна наша информантка, Ирина, сына которой отправили служить в Крым, так рассуждала в интервью о проблемах российской армии:

«Я думаю, что там [в армии] **очень много всяких проблем**. И если, правительство как бы рассчитывало, что оно будет объявлять такие боевые действия — я думаю, до нас это не доводили, но, думаю, что такие планы были, потому что Крым-то, он же с 2014-го года нам принадлежит, об этом говорят с 2014-го года, — я думаю, **надо было как-то получше подготовиться**. Потом меня очень удивляет тот факт, что на этой войне очень мало детей чиновников. Мы все так в средствах массовой информации и СМИ так говорит о патриотизме, говорится: “Вот, патриотизм, патриоты, патриоты”. Ну, если бы мы взяли Великую Отечественную войну, то там каждый сын военного нес за собой и военных вел за собой. Ну, это было, блин, я не знаю, честью [пауза]. **А сейчас получается, что наших детей, которых загнали туда — [воюют] просто мобилизованные. Где наша тогда контрактная армия?** Да, я понимаю, что сейчас говорят [что] контрактная армия тоже вся там. Но у нас много здесь контрактников еще уходит, да, которые получают за это деньги. У нас много контрактников, которые как бы в отставке на пенсии. Которые от Минобороны получили квартиру, которые получают пенсии, вот. И они, получается, дома, а просто простых людей берут и туда отправляют» (ж., около 44 лет, инспектор по качеству на заводе).

Из этого отрывка очевидно, что Ирина не выступает против войны, которая могла повлиять (но не повлияла) на службу ее сына. Однако, несмотря на ее лояльность решению президента России начать полномасштабное вторжение в Украину, она много чем недовольна — и именно из-за

того, что ее сын *мог бы* быть отправлен в зону военных действий: тем, что российская армия оказалось неподготовлена к войне; что в зону боевых действий отправляют обычных людей, а не профессиональных военных, и уж точно — не детей чиновников; что все слова про патриотизм — это обман.

Таким образом, опыт матерей — непротивниц войны может повлиять на их отношение к государству и потенциально на их отношение к войне. Однако их недовольство остается либо частичным — касающимся эксцессов в работе государства, например, недофинансированности или недостаточного порядка в армии, либо слишком абстрактным и лишенным конкретного адресата: «на войне правды нет» — начинали говорить в таких случаях наши собеседницы, или «где наша контрактная армия?»

Право матери

Некоторые матери — непротивницы войны охотно кооперировались друг с другом и участвовали в групповых инициативах, направленных на помощь своим и иногда чужим сыновьям, — но не на протест против государства.

Так, многие помогающие организации пытались наладить коммуникацию между обратившимися к ним людьми: например, организовывали чаты и проводили видеозвонки через Zoom. Хотя это редко приводило к созданию постоянных групп взаимопомощи, даже среди наших информанток были те, кто продолжил помогать другим после того, как их личная ситуация разрешилась.

История Анны хорошо иллюстрирует эту тенденцию. Анна продолжила общаться с матерями срочников из полка ее сына и после того, как тот вернулся домой. Получив поддержку тогда, когда ей было тяжело, она захотела продолжать помогать и поддерживать других:

«Да, у нас чат как был ... наши дети пришли, так мы все и общаемся по сей день... Мы сейчас и ребят поздравляем, и общаемся все, и все проблемы решаем, вот какие засушенные появляются вдруг у ребят. **Вот говорю, мальчик-осенник, он подписал контракт, но его там обманули. И мы вот тоже за него бьемся.** Вот стараемся, чтобы он и письма написал, чтобы его вытащить. И консультируемся с юристами, с кем можно. Ищем, как поговорится, где можно, там и узнаем, и спрашиваем. **И по**

сей день все мы вместе. Потому что одним тяжело. Если бы не наш чат, я бы, наверное, не выдержала» (ж., около 50 лет, администратор в школе).

Помимо этого, Анна по мере возможности поддерживала и консультировала других матерей, не входящих в чат родственников подразделения, где служил ее сын:

«Сейчас уже могу подсказать, кому, чего и как. Ну и когда захожу в [название помогающей инициативы], у нас в Вконтакте есть, я всегда... Девочки многие стараются мне в личку написать, чего-то спросить. Стараюсь тоже подсказать, объяснить, если нужна моя помощь, я никогда не откажу. **Потому что, как говорят, чужих детей не бывает. Они все наши.** И когда сталкиваешься один в один вот с этими проблемами, очень тяжело, когда не у кого узнать. Поэтому стараюсь всем по мере возможности, чем могу, всем подсказать, объяснить, куда и как».

Антонина, мать срочника, который погиб при невыясненных обстоятельствах в военной части незадолго до окончания службы, призналась, что это горе заставило ее начать помогать другим: она с готовностью консультировала матерей срочников, которые обращались к ней за советом, и даже предложила одной из помогающих организаций сотрудничество в качестве волонтерки. Свои попытки «добиться правды» о гибели сына она рассматривала не только как возмездие или восстановление справедливости (наказать виновных), но и как помощь другим:

«Потому что сейчас же такое дело, что... ну вот вы представляете, у меня... я не знаю откуда у меня силы взялись вот это все так пережить и еще пытаться думать о других солдатах. **Меня сразу страх одолел за других детей. Они же тоже дети чьи-то, которые придут туда** [в часть, где служил ее сын] **новым призывом...** Ну суть-то в том, что хотелось бы остановить эту машину смерти в принципе во всем мире, **чтобы никто уже так не страдал, ни одна мать.** Правильно? Ведь это же девять месяцев надо выносить, родить, одни роды что стоят, вот, и плюсь ещё вырастить, а потом вот так потерять. Представляете, как это?» (ж., около 40 лет, юрист).

Несмотря на то, что истории Антонины и Анны отличаются друг от друга, их объединяет — не только между собой, но и с другими матерями — вера этих женщин в то, что они имеют право вмешиваться, знать,

пытаться повлиять на ситуацию в том случае, если речь идет об их сыновьях. Источником этого убеждения являются не их взгляды — они обе не только оправдывают войну, но и считают ее справедливой и необходимой мерой, — а их социальный статус и идентичность: они имеют право беспокоиться, потому что они матери; они имеют право требовать чего-то для своих сыновей, потому что это они заботились о них, пока те не попали в армию; они имеют право обрывать телефоны и писать обращения и не боятся делать это, когда их детям угрожает опасность. Некоторые из них даже чувствуют себя вправе судиться с государством, как это планирует сделать Антонина, «ведь это же не просто так, двадцать лет растить-ростить, а потом раз и похоронить не пойми как» (ж., около 40 лет, юрист). В каком-то смысле, их «право матери» является частью негласного контракта с государством: последнее может забирать их детей на время, но не навсегда. Поэтому, когда возникает угроза жизни для их детей (или когда эта жизнь уже отнята), страх матерей перед государством отступает, и их право на действие может быть реализовано.

Выше мы уже цитировали фрагмент из интервью с Анной, которая рассказывала о том, что многие не хотят активно помогать своим близким, оказавшимся в российской армии, потому что боятся «разозлить» государство и только навредить своими действиями. В следующем отрывке Анна объясняет, что именно статус матери и серьезная угроза здоровью ее сына помогли ей преодолеть этот страх:

«А я ни перед чем не останавливалась. Я старалась везде обращаться. И все. Мне было по барабану. А многие [боятся] чтобы ребятам хуже не было... Чтобы ребят не прессовали там, боялись многие обращаться. А я вот нет, потому что я понимала, что это здоровье моего сына, и меня это ничего не останавливало. **А они как бы боялись, чтобы хуже не было... Как, знаете, как говорят, [что] этого не любят, когда за них [за срочников] пишут и звонят.** Я сказала: мне по барабану. Чего они там любят, чего не любят. **Он мой сын, и здоровье его мне небезразлично. Поэтому мне по барабану. Пусть только тронут, я сказала»** (ж., около 50 лет, администратор в школе).

Наконец, можно предположить, что идентичность и социальный статус матери дают основание для объединения с другими матерями для заботы о чужих детях. Как отметила Анна, «чужих детей не бывает, они все наши». Однако в отличие от частичной мобилизации, проблемы срочной службы — произвол командования, призыв людей с серьезными заболеваниями, нехватка медицинского обеспечения — давно известны как государству, так и помогающим организациям, поэтому для их решения

уже существуют отработанные правовые механизмы, которыми и пользовались эти женщины. Примечательно, что ни одна из наших информанток не участвовала в подаче коллективных жалоб — все они действовали в одиночку, следуя инструкциям помогающих инициатив и советам других матерей. Общение с другими женщинами, попавшими в похожую ситуацию, было для них в первую очередь источником моральной поддержки и способом найти совет по применению закона на практике.

1.3 Близкие — противники войны

Практически все информанты – противники войны (за исключением одной из них) пытались спасти своих близких от попадания на фронт — в результате мобилизации или подписания контракта. Видение ситуации такими информантами часто отличалось от видения тех, кому они пытались помочь; отношения с последними тоже были не похожи на отношение матерей, оправдывающих войну, к своим сыновьям. Те, кому помогали непротивники войны, были для них не объектами заботы, но субъектами действия.

Из-за этого истории, рассказываемые близкими – противниками войны и матерями, оправдывающими войну, разворачивались по-разному. Матери, которых мы описали в предыдущем разделе, участвовали в *операции по спасению своих сыновей*. Близкие, о которых мы будем говорить в этом разделе, участвовали в *борьбе*, причем иногда не только против государства, но и в каком-то смысле против тех, кому они помогали, — потому что последние не всегда готовы принять их помощь.

Из-за разницы во взглядах с близкими, которым угрожало попадание на фронт, последовательность действий наших информантов – противников войны во многом зависела от того, насколько им удавалось убедить оказавшихся в армии близких что-то в связи с этим предпринять. Наконец, в отличие от оправдывающих войну матерей, противники войны гораздо чаще склонны были рассматривать и использовать не только формальные и правовые, но и неформальные и неправовые способы воздействия на ситуацию.

Попытки переубедить

Противники войны, с которыми нам удалось поговорить, часто начинали действовать в упреждающем режиме. Первое, что они делали, если были осведомлены о намерении близкого мобилизоваться или подписать контракт, — это пытались отговорить его от принятия решения, которое противоречило их собственным взглядам. Например, Яков, отец призванного, так описывал этот процесс:

«Ну и когда вот эта вся началась заваруха, ну и он заикнулся, что вроде их должны отправить. Я говорю: “Ну ты ж понимаешь, что у тебя там родственники, ты ж понимаешь, что тебе нельзя”... Ну то есть поговорить поговорили, но он меня не услышал» (м., 50 лет, предприниматель).

Другой пример — это история Елены, чей бывший муж получил повестку во время «частичной мобилизации» и, несмотря на все ее советы, решил «не сопротивляться системе»:

«Смотрите, когда началась мобилизация, мой, на тот момент уже бывший, муж ... Его мама нашла повестку в мусорке у почтового ящика ... и отдала ему. И он решил, что раз мама говорит, что надо идти, значит, надо идти. Такой достаточно инертный товарищ. Мы с ним разговаривали тогда, что можно сделать с учетом того, что он вообще ничего не подписал. Ему просто словами сказали: приходите тогда-то, мы вас отгрузим... Мой план был самый простой, самый эффективный: тогда бытовала идея о том, что можно... Тогда еще не были приняты все вот эти кошмар-кошмар законы за неявку, за то, за се. И идея была в том, чтобы стать “неудобным призванным”, которого бы просто отправили бы домой. Там вполне реально он по медицине бы не попал, потому что у него есть серьезные проблемы с сердцем и со всем остальным» (ж., 37 лет, юрист).

В одном из случаев отцу срочника, Ярославу, удалось убедить сына не ехать в зону боевых действий — однако уже после того, как тот подписал контракт. Это помогло ему избежать попадания на войну, но, как и другие контрактники и мобилизованные, он не смог покинуть армию и продолжил служить:

«Он [сын] в этот момент служил “срочку” и запросил как раз документы у нас недостающие для заключения контракта, о чем он не сказал... И в конце августа 2022-го года он позвонил

радостно из последнего пункта сбора о том, что “через три дня мы едем в Изюм! Я буду гранатометчиком”... Это был длинный и печальный разговор в течение двадцати шести минут, когда я ему пояснил свое видение ситуации, что произойдет там с ним, вот. Четко... По возможности, я внимательно следил на тот момент за происходящим и за новостями и знал, что Изюм в тот момент находился на самой острой своей фазе. И я ему пояснил, что в лучшем случае он погибнет. И вернется, возможно, его тело домой. Потому что в таком формате это будет, к сожалению, печально, но жесткий однозначно результат, который не будет приносить страдания все оставшееся время, как его родственникам, так и ему самому... Мне удалось ему донести, что нет, он не должен, ему не стоит ехать с этой командой. **И он написал рапорт отказа. Тогда еще это было возможно и доступно... Да, мне удалось переубедить, потому что это была, скорее всего, мальчишеская накачка и поставленные какие-то условия.** Я до сих пор так и не знаю, почему и как это произошло... У него теперь бесконечные контракты [потому что согласно указу о “частичной мобилизации” военнослужащие-контрактники не могут быть уволены по истечении срока службы, только по окончании “специальной военной операции”]. И это пытка» (м., около 50 лет, программист).

В других случаях возможность вмешаться в ситуацию, в том числе поставившись переубедить близкого человека, возникала только после того, как близкие уже попадали в зону боевых действий. Например, молодая девушка, Яна, узнала от матери друга, с которым они долго не общались, что тот получил повестку во время «частичной мобилизации» и пришел в военкомат для «уточнения данных», откуда его сразу же, пригрозив тюремным сроком за отказ, отправили в часть. А Алина выяснила, что ее отец, который на момент интервью числился пропавшим без вести, ушел добровольцем «защищать Донбасс», только когда ей сообщили об этом родственники.

Обычно попытки переубедить близких, независимо от того, происходили они до их попадания на войну или уже после, сопровождались поиском информации о возможных действиях в сложившейся ситуации. В отличие от оправдывающих войну матерей, противники войны не рассматривали государственные органы и медиа в качестве надежных источников такой информации. Они предпочитали сами изучать законодательную базу и различные интернет-ресурсы, а также обращаться за помощью и консультацией к помогающим инициативам.

Опыт войны и реакция на помощь

«Спасти» близкого, которому грозит отправка на войну или который уже находится в зоне боевых действий, без его согласия и активного участия невозможно. Поэтому действия наших собеседников — противников войны во многом зависели от того, как менялись взгляды и установки тех, кому они помогали. Такие изменения, со слов информантов, происходили из-за разочарования их близких в том, чем на самом деле оказалась война и их участие в ней, или в результате давления наших собеседников — противников войны.

Несоответствие между ожиданиями, которые мобилизованные и контрактники питали по поводу своего участия в военных действиях, и реальностью войны часто приводило к разочарованию. Военнослужащие жаловались на высокий уровень опасности, плохое отношение со стороны командиров и других военнослужащих и/или местных жителей. Например, Аглая, которая планировала помочь своему отцу, добровольно подписавшему контракт, так описала происходившие с ним изменения:

«А папа думал почему-то, что его пожелания учтут, что он будет где-то там либо на третьей линии, либо вообще где-то в тылу. Ну, то есть, он думал, что будет реально так, что, так как он не профессиональный военный, его точно не поставят на какие-то такие ряды... Он был убежден на тот момент, что нужно помогать. Он не мог не помогать, когда видел все, что происходит... Ну, защищать Донбасс, на который нападают враги, скажем так... То, что погибают люди, и по Донецку бьют... И поэтому и у него было огромное разочарование, когда он увидел, что там на самом деле происходит, какое отношение [местных командиров], и так далее... И папа сказал, все, вот кто с ним там был, они все погибли. И там еще такой момент, что им не выдают зарплату, ну не выдавали вообще, по карте ничего не было, только наличными, и наличными по факту тем, кто выжил... То есть там им [местным командирам] выгодно, чтобы люди гибли, они делают для этого все. То есть специально отправляют в какие-то заведомо провальные миссии, не дают нормального лечения. Ну, то есть вот их отношение, вот именно тех, кто в Донецке... **Ну и конечно, когда папа это увидел, естественно, он абсолютно поменял все свои взгляды и точно не хочет продолжать там находиться. Ну, он готов даже к каким-то судебным разбирательствам, к уголовным делам, но абсолютно не считает адекватным туда возвращаться, понимая, что ну максимум он там продержится месяц...**

Но вот [он] на деле понял, что они [украинцы] на самом деле нас ненавидят, и им это все не нужно. **Они нас, грубо говоря, обвиняют, что это все вообще из-за вас [россиян]. Ну, то есть вот до такой степени. И понял, что, ну, им он не хочет помогать»** (ж., 27 лет).

Расхождение между ожиданиями военнослужащих по поводу участия в войне и их опытом заставляло многих пытаться покинуть армию. Это разочарование, однако, редко приводило к радикальному пересмотру своего отношения к войне и переосмыслению собственных политических взглядов. Яков, которому удалось вывезти своего сына на территорию России, затем продолжил помогать другим военнослужащим, желающим покинуть зону боевых действий. По его словам, они объясняли свое желание следующим образом: «Если бы они нормально все организовали, то можно было бы [повоевать], а так мы “мясо”» (м., 50 лет, предприниматель). Отец Аглаи, несмотря на свой негативный опыт столкновения с местным украинским населением, которое не жаждало быть спасенным и обвиняло в своих бедах россиян, сам в россиянах не разочаровался. Так же он не поменял своего мнения по поводу необходимости войны. Он разочаровался в украинцах и больше не захотел помогать им *лично*. «Что связано именно с русскими, ну вот именно по национальности русский, он очень сильно любит, он поддерживает, он считает, что мы классные, что это нация просто супер-вау», — рассказала его дочь (ж., 27 лет).

Аргументы, которые использовали наши информанты для того, чтобы убедить своих близких бороться за изменение собственного положения, могли быть как антивоенными, так и прагматическими. Например, Яна рассказала, что ее друг — тот самый, которому пригрозили тюремным сроком за отказ подписать повестку — принял ее предложение помочь покинуть военную службу в том числе потому, что каждый их разговор «сводился только к одному: что в роли агрессора выступать нельзя»:

«Раньше он, вероятно, не видел в этом [в войне] прямо чего-то очень ужасного, просто он туда не хотел. Ну, просто потому что не хочу. А сейчас он категорически против» (ж., 43 года, менеджер по продажам).

А Алина, чей отец подписал контракт в качестве добровольца по идеологическим соображениям, планировала дожидаться его приезда в отпуск, чтобы убедить его остаться ради нее:

«И я собиралась как бы вот все: он приезжает, я наседаю ему на уши, потому что я это умею, я могу очень долго человека просить и умолять, и я собиралась заставить его остаться, добиться как бы... Ну это не было бы сложно, потому что он обманул медкомиссию [чтобы подписать контракт], и если бы мы прошли нормально медкомиссию, честно, то его бы признали негодным... **Он такой человек, которого очень тяжело переубедить...** Я хотела, во-первых, положить его на операцию, потому что ему обещали сделать в госпитале операцию, связанную со спиной. Ему нужно было пройти комплекс процедур медицинских. Это бы потребовало реабилитации, это бы затянуло, во-первых, время, это раз. Второе, **я собиралась настаивать в первую очередь на том, что он мне нужен здесь, он нужен своей матери, и, если он туда уедет, мы не сможем нормально жить, и что ему нужно быть здесь...** И я хотела в первую очередь его убедить именно просто остаться из-за нас, потому что я жила полностью до этого на самообеспечении, и мы с ним договорились, что он приедет, с осени я увольняюсь, я буду жить за его счет и учиться. **Он очень хотел, чтоб я училась. И я хотела на этом сыграть, чтоб он остался ради нас**» (ж., 21 год, студентка).

При этом столкновение военнослужащих с отправкой «на убой», с бесправием, с недостатком обеспечения играло, судя по всему, большую роль в принятии решения покинуть армию, чем антивоенные аргументы их близких. Без страха за свою жизнь, без разочарования, которое подталкивало бы солдат к пониманию необходимости какие-либо действий, любые усилия их близких часто оказывались бесполезными. Так, например, бывший муж Елены, несмотря на все ее старания, так и не решился начать действовать, потому что ему казалось, что «переждать» будет проще:

«Но вот он [бывший муж] сломался на этапе, что нужно пойти и получить отказ от начальника части в том, чтобы заверить ему документы. И с этого момента можно было инициировать какие-то телодвижения в том, что ему отказывают в его законных правах. И все это дело раскручивать. Ну, вот он сломался на том, чтобы написать от руки кучу-кучу-кучу заявлений... Он сказал, что там четыре вида заявлений нужно было на стартовом этапе. И дальше больше. И вот, собственно, это его почему-то подкосило... **Но в его голове лучше быть там, потому что — такая дурацкая получается ситуация — потому что за все время с момента мобилизации их так и не отправляли на передовую. То есть они просто сидят в каком-то лесу**

целый год. И вообще ничего не происходит. Соответственно, у него в голове идея, что так ничего и не будет происходить, что просто в какой-то момент они поедут домой» (ж., 37 лет, юрист).

Военнослужащие редко предпринимали какие-либо действия самостоятельно — по тем же причинам, что и оправдывающие войну матери, о которых мы рассказали в предыдущем разделе: из-за страха навредить, но в этот раз — самим себе. Как и в случае матерей, этот страх был обоснованным. Например, сына Якова, который подписал отказ от продолжения службы, сначала бросили в «яму», потом избили, а потом чуть не убили. Несмотря на это, его удалось вывезти, а Яков продолжил помогать военнослужащим, которые хотели покинуть армию, но боялись, что их действия могут повлечь за собой негативные последствия:

«Я с многими людьми общаюсь, вот они говорят: нет, **мы хотим домой, но мы не знаем, как уйти.** Они боятся, что их закроют, боятся, что... **Ну то есть показательно все делается, то есть тебя закроют обязательно, и потом отправят неизвестно куда. Все боятся вот этой неизвестности,** что их ждет, если они... если вот все это произойдет» (м., 50 лет, предприниматель).

Когда те, кому помогали наши информанты, все же решались что-то предпринять, они часто рассматривали самые разные — в том числе неправовые или связанные с нарушением закона — способы.

Дезертировать, спрятаться, заболеть

Противники войны, пытаясь помочь своим близким, оказавшимся в зоне боевых действий, действовали совсем не так, как оправдывающие войну матери срочников и мобилизованных. В первую очередь это, скорее всего, связано с тем, что главной задачей противников войны в нашей выборке было «вытащить» своих близких с фронта, а для этого, в отличие от решения проблем срочной службы, не существовало налаженных правовых механизмов. Только некоторые противники войны использовали легальные методы борьбы: например, писали или звонили в часть или военную прокуратуру. Для матерей же, описанных в предыдущем разделе, именно эти методы были основными. Кроме того, противники войны не полагались на официальные источники информации (например, Министерство обороны) для того, чтобы понять, какими правами обладают

мобилизованные и контрактники — как это делали участницы движения «Путь домой». Вместо этого они предпочитали искать информацию в открытых источниках и самостоятельно изучать законы.

Некоторые из противников войны специально искали негосударственные помогающие организации, отождествляя их с оппозиционными. «Я искала какие-то организации — не государственные, а которые вот больше оппозиционные или что-то такое, — рассказала Алина, — потому что я им больше верю, и в их результативность я тоже больше верю» (ж., 21 год, студентка).

Противники войны зачастую быстро приходили к выводу, что законных способов помочь своему близкому практически не существует. Некоторые, как Аглая, рассчитывали на возможность комиссования по состоянию здоровья. Другие рассматривали дезертирство, поиск убежища на территории РФ, выезд из страны, и даже тюрьму в качестве альтернатив продолжению службы в армии для своих близких. Например, если госпитализация не поможет другу Яны избежать отправки на фронт, то, по ее словам, «его отсутствие в Украине будет связано с какими-то нарушениями нынешнего действующего законодательства» (ж., 43 года, менеджер по продажам). А Аглая предлагала своему отцу сбежать еще во время учений:

«Нет, ну я, естественно, предлагала ему просто сбежать еще в момент, когда он был на учениях. Но он такие варианты не рассматривал. И так как я понимала, что, действительно, не существует вообще никаких вариантов на данном этапе, на этапе, когда он там в этом обучении, что он что-то мог бы вообще сделать, чтобы хоть как-то улучшить ситуацию» (ж., 27 лет).

Противники войны также полагали, что письменный отказ от военной службы — несмотря на то, что за ним может последовать помещение под арест — потенциально успешная стратегия избегания фронта для их близких. Например, сын Ярослава, подписавший рапорт отказа, продолжил служить, но уже не в зоне военных действий. А Якову удалось добиться возвращения своего сына, но только после того, как тот сначала был арестован и чудом избежал смерти. Вот его история:

«Яков: Ну так [он] особо ничего не жаловался, что вот все плохо. А потом через время, короче, он мне сообщает, да вот у нас пацаны захотели ну... как-то так завуалированно он сказал, что вот у нас пацаны спрашивают, а что будет, если отказ. Ну я сразу понял, что это... это где-то июнь был месяц [2022го]. Я понял,

что он собирается что-то там... для него это, в общем, надо. Я: хорошо, все... Ну я сказал ему на следующий день, что ничего не будет. Просто откажетесь, и все.

Интервьюер: Вы это сами выяснили как-то? Ну, в смысле, почитали...

Яков: Да, выяснил сам, да. И через время... А я ж как бы в “Телеграме” постоянно слежу за новостями, вот это все. Ну и через время он мне присылает сообщение, что их разоружили, все такое. Ну, они отказались, написали отказ. Он там долго думал, принимал решение, ну, в общем, они написали отказ. И через время он говорит, что-то мне не нравится, что-то происходит не то, как-то вот так. И через время он мне присылает, что нас задержали, и мы находимся там-то там-то» (м., 50 лет, предприниматель).

Сообщение сына насторожило Якова и он начал связываться с родственниками военнослужащих, которых разоружили вместе с его сыном. В это же время он обратился в НКО, помогающую военнослужащим. Затем вместе с другими родственниками он поехал в соответствующий военный округ, где после разговора с представителем части ему стало ясно, что «их не выпустят, ну то есть надо ехать туда, в Луганск, и пытаться что-то делать». Вот как он описывал дальнейшие события:

«Мы [родственники разоруженных военнослужащих] там [в Луганске] были дней пять. Но мы поняли, что там бесполезно. Мы первый раз, когда пришли, мы увидели там луганских этих женщин [родственниц арестованных военнослужащих]. Они тоже там... приходили тоже. История одна и та же: посылают их на “мясные штурмы” [лобовой штурм пехотой укреплений противника, осуществляемый без учета больших потерь в живой силе] без всякой разведки, без ничего. Ну и то есть они вот эту свою историю рассказывают. Мы им свою историю. Ну выходит какой-то военный, начинаем ему рассказывать. Ну он послушает, послушает. В общем, я узнал номер телефона командира той части, где их держали... А у них телефон был, у пацанов... Ну мне важно было, чтобы эти военные понимали, что люди не брошенные, что за ними приехали, что вот... Ну то есть сам факт того, что мы беспокоимся... И через время с телефона... ну пацаны, которые находились вместе с ним, приходит сообщение, что сына увезли вашего. Я спрашиваю: кто. Ну, чэвэкашники приехали, сказали, что нам такой нужен. И все, они его забрали... Ну, били там, в общем... Через время вывели его на расстрел. Положили на... Ложись, говорит, а то сейчас ты нас

кровью забрызгаешь, ну и направили на него пистолет... Они его несколько раз этим пистолетом по затылку стукнули... И через... ну там еще какое-то время тоже побили там его. Их там было четверо или пять человек в этом... А потом один из старших, который старший, говорит: пойдешь на такелажные работы? Он говорит: пойду на работы. Ну, они его — на работы. И через время, наверное, через неделю он появился на связи. Ну, сказал, что все нормально у него. Ну это мы ж потом узнали все, что с ним происходило. А еще через неделю позвонили с прокуратуры и сказали, что ваш сын едет в отпуск. Ну вот таким образом... Ну позвонили с прокуратуры, ну звонили его маме, позвонили с прокуратуры: “Вы писали обращение?” — “Да, писали обращение”. — “Ваше обращение рассмотрено”. И сын такого-то числа, через два-три дня уходит в отпуск... Сейчас он всякими путями [ищет способы не возвращаться — и до сих пор не вернулся]... Ну они уже все... **Они уже готовы все садиться.** Вот кто там, за редким исключением... Ну они уже многие сидят, вот из той группы, их там было в районе тридцати пяти человек... Уже многие сидят. Есть пацаны, которых уже и нету, которые зашли второй раз, уже после объявления мобилизации — их опять туда. Есть просто уже которые погибли» (м., 50 лет, предприниматель).

Яков, как и другие непротивники войны, использовал связи с людьми, столкнувшимися с той же проблемой, для того, чтобы помочь своему сыну. То же самое сделала и антивоенно настроенная Инна, мать срочника: «...я там просто с родителями связывалась, чтобы тоже помочь понять, что можно сделать, что можно написать» (ж., около 43 лет, домохозяйка). Однако Яков оказался единственным из наших информантов — противников войны, кто продолжил помогать другим военнослужащим не советом, а делом, после разрешения ситуации, в которую попал его сын.

Антивоенные взгляды и возможность кооперации

Деятельность противников войны отразилась на их отношениях с друзьями, родственниками и коллегами, которые не разделяли их антивоенных взглядов. Со многими сторонниками войны они разорвали отношения еще в 2022 году — мы писали об этом в нашем первом аналитическом отчете, посвященном восприятию войны россиянами. Теперь же их стали задирать пассивные или провоенные взгляды близких, с которыми они не

могли перестать общаться (например, родителей). Так, Алина, которая пыталась найти своего пропавшего без вести отца, описала свои отношения с родственниками следующим образом:

«То есть у меня еще такая проблема, что у меня вся семья — они патриоты. Это я единственная у нас — агент Госдепа вообще. Ну то есть у меня постоянно конфликты в семье из-за этого. Потому что мы к этому очень по-разному относимся» (ж., 21 год, студентка).

При этом ее родственники «поощряют» и «хвалят» ее за попытки найти своего отца: «Ну потому что они как бы понимают, что в любом случае хуже тут уже не сделаешь, хуже уже некуда, поэтому, к кому бы там ни обратился, они как бы хуже уже не сделают» (ж., 21 год, студентка).

Вовлеченность противников войны в судьбу своих близких привело к тому, что они только больше убеждались в правильности своего критического отношения к государству и российскому политическому режиму. Те, кто активно следили за политическими новостями, продолжили это делать. Те, кто не поддерживали войну, но старались держаться в стороне от новостей, стали с большим интересом читать независимые медиа. Некоторые из противников войны политизировались: они поняли, что политика и жизнь людей связаны друг с другом самым непосредственным образом. Например, Инна, которая до войны старалась держаться подальше от политических новостей и государства, так описала изменения, которые с ней произошли:

«Если ты думаешь, что политика — это не твое дело, вот политика пришла в твой дом. Вот она в армию пришла, вот она, у тебя теперь денег не хватает на еду, вот теперь твои налоги, ты понимаешь, они идут еще и на братоубийство. Ну то есть вот все в таком духе. Политика — это часть твоей жизни. Часть твоей жизни, и все» (ж., около 43 лет, домохозяйка).

Укрепление антивоенной позиции противников войны и их нелояльности государству не только способствовали возникновению новых конфликтов с их близкими, но и послужили препятствием для взаимодействия с родственниками других военнослужащих, не настроенными были настроены антивоенно. Сталкиваясь с близкими военнослужащих, выражающими поддержку войне или политическому курсу российского государства, наши информанты — противники войны испытывали острое чувство неприятия и фрустрацию, что в конечном итоге заставляло их держаться обособленно. Например, Инна, мать срочника, предпо-

читавшая общаться с другими родственниками военнослужащих исключительно «по делу», так описала свои впечатления от взаимодействия с провоенно настроенными участниками группы поддержки, организованной одной из помогающих инициатив:

«И когда ты начинаешь общаться с солдатскими матерями, очень многие... кто-то был за войну. То есть, они говорят: “да нет, война — ладно, главное, чтобы наших туда детей не забрали”. То есть много было таких мам. “Война — окей, хотите вести войну, вы, военные люди, идите и ведите войну, вот, кто хочет, пусть участвует в этой войне, кто призван, но типа вот восемнадцатилетний парень ничего не умеющий, что он там сделает. Просто тут же погибнет, и все, никому не легче будет”. Ну, то есть много вот таких мам, и было понятно, что... Вот очень сложно разговаривать, понимаете. Был такой момент у меня, когда вот... у нас тоже идет такой созвон коллективный, и мы должны были немножко представиться, и я категорически против, мы [наша семья] категорически против войны как способа урегулирования каких-то там конфликтов или защиты каких-либо интересов. Мне это надо все равно проговорить, почему мы... что мы хотим как родители. **И все равно где-то ты понимаешь, что я вот это сейчас говорю, но немногие люди меня понимают, немногие люди думают так же.** Люди хотят... мамы хотят, чтобы не попал сын на войну, а что война идет — это вообще уже другой вопрос» (ж., около 43 лет, домохозяйка).

Инна была не единственной, кто переживал нечто подобное. Яна рассказала, что столкновение с провоенной риторикой в групповом чате родственников сослуживцев ее близкого друга, которому она пыталась помочь, заставило ее покинуть группу и полностью прекратить любое дальнейшее взаимодействие с родственниками военнослужащих:

«Интервьюер: А ваш друг или вы, вы пытались скооперироваться с какими-то другими... Опять же есть группы родственников военнослужащих, например. Самих военнослужащих, которые пытаются что-то предпринять, но именно коллективно. Мне интересно, вы пытались — или вы, или ваш друг, или вы оба — с кем-то тоже связываться, чтобы...

Яна: Нет. Нет, не пытались. То есть я вступила в одну группу, как раз наш полк, местный, что называется. Вот он [друг] мне сказал поискать его. И я почитала, ну, я просто туда зашла и

почитала — [там] такие патриотичные настроения родных, там “За победу!” и все такое. И как-то я поняла, что многие родственники тех ребят, которые там, они слишком топят за эту войну. Поэтому нет, не пыталась... Я допускаю, конечно, что, наверное, далеко не все, кто там присутствуют, с такими настроениями патриотичными. Но у нас же просто, понимаете, можно писать только “за”. Если ты напишешь что-то “против”, то оно чревато. Поэтому таких людей найти сложно, кто “против”» (ж., 43 года, менеджер по продажам).

В результате противники войны, обратившиеся за помощью к помогающим инициативам, несмотря на свою политизированность, — критическое отношение к российской власти, антивоенные взгляды, сложные отношения с окружающими — кооперировались с другими людьми только для решения конкретных задач, как, например, Яков, который отправился в часть, где служил его сын, вместе с другими родственниками военнослужащих, подписавших отказ. Обычно же противники войны предпочитали индивидуальные тактики, даже если они были сопряжены с риском, и использовали и помогающие инициативы, и их ресурсы (например, чаты) для того, чтобы получить или дать информацию либо совет. Так, Инна охотно общалась с другими родственниками срочников, но только «по делу», то есть чтобы что-то узнать или поделиться информацией:

«Ну вот наверное, было только несколько случаев, когда родители... я там просто с родителями связывалась, чтобы тоже помочь понять, что можно сделать, что можно написать, что можно сделать. Ну вот так. Я по-прежнему состою в этой телеграм-группе “Разговоры о важном”, где родители, я так иногда читаю там их вопросы... Когда ты общаешься с мамами, ты больше так по делу, ну, грубо говоря, по такому общему делу там. Поэтому такого вот взаимодействия, чтобы прямо очень-очень, ну нет» (ж., около 43 лет, домохозяйка).

Таким образом, антивоенные взгляды не-противников войны препятствуют долгосрочному сотрудничеству с другими родственниками военнослужащих. Для них важно, чтобы люди, с которыми они общаются, разделяли их отношение к войне и государству. Взгляды же родственников мобилизованных весьма разнообразны и зачастую не слишком оппозиционны.

Выводы первой части

Итак, наши про- и антивоенно настроенные информанты отличаются друг от друга — и не только своими взглядами на войну.

Так, антивоенно настроенные информанты воспринимали тех, кому они пытались помочь, как субъектов действия, чье согласие и активное участие является необходимым для достижения цели. Матери же, оправдывающие войну, считали своих сыновей детьми, которых они передали под опеку государству, веря в то, что оно может о них позаботиться.

Для того, чтобы лучше понять, как им следует действовать и какие шаги предпринимать, и противники, и непротивники войны обращались к помогающим инициативам: НКО, чат-ботам, телеграм-каналам, специализирующимся на помощи военнослужащим. При этом оправдывающие войну матери, в отличие от противников войны, также активно взаимодействовали с армейскими структурами, чтобы получить официальные разъяснения по поводу ситуации, в которую попали их сыновья. Все оправдывающие войну матери готовы были помогать своим сыновьям исключительно в рамках закона: через обращения и запросы в военную часть или военную прокуратуру, а то и через суд. Противники же войны с самого начала были настроены скептически по поводу возможности законным образом повлиять на ситуацию, в которую попали их близкие, — возможно, потому, что они находились на войне, и для того, чтобы помочь им, правовых механизмов не существовало.

Неудивительно, что наши информанты с разным отношением к войне относились по-разному к армии и военной службе. Оправдывающие войну матери полагали, что долг обязывает каждого мужчину подчиняться призыву государства, а некоторые из них считали срочную службу необходимым условием для успешной карьеры своих сыновей. Их объединяло доверие и покорность перед лицом государства: «Надо — значит надо», — говорили даже те из них, чьи сыновья не должны были оказаться в армии по состоянию здоровья. Им пришлось вмешаться в службу своих сыновей только потому, что жизнь или здоровье последних оказались под угрозой. И хотя ситуация, в которую попали их сыновья, принесла матерям много тревоги и боли, и некоторые были очевидно злы и разочарованы, они не спешили искать виновных. Из-за этого их критика и их недовольство находили выражение в сетованиях, но не становились основанием для политических действий.

Противники войны пытались помочь своим близким как потому, что участие в войне с Украиной противоречило их собственным взглядам, так и потому, что они хотели, чтобы те снова стали частью их жизни. Ни антивоенные взгляды наших информантов, ни их отношение к государству не претерпели изменений. Напротив, они еще больше убедились в том, что пытаться чего-то добиться от российского государства — бесполезно и бессмысленно. Примечательно, однако, что даже наиболее политизированные из них рассматривали в первую очередь стратегии «выхода» (отказ от службы с последствиями в виде судебного срока) и избегания (скрыться, спрятаться, сбежать), а не прямой конфронтации или политического действия (это, безусловно, во многом связано с общим ощущением, что прямая конфронтация едва ли может закончиться победой).

Большинство наших собеседников, вне зависимости от их отношения к войне, предпочитали действовать индивидуально, обращаясь к другим — будь то помогающие инициативы или группы родственников — только для решения собственной проблемы. Однако в нескольких случаях связи и знания, приобретенные нашими информантами, были использованы ими для оказания систематической помощи другим. Интересно, что именно среди оправдывающих войну матерей срочников оказались те, кто был готов продолжить помогать другим не индивидуально, а в рамках какой-то групповой инициативы. Мы обнаружили, что не политические взгляды, а социальный статус и социальная роль матери оказалась наиболее значимым ресурсом для формирования общей идентичности. Именно матери срочников чувствовали, что у них есть что-то общее с другими матерями, и считали, что их социальный статус дает им право оспаривать решения государства тогда, когда государство угрожает их детям.

ЧАСТЬ 2

**Коллективное действие:
женщины против
государства**

Хотя объявление «частичной мобилизации» осенью 2022 года и спровоцировало волну протестов, они быстро утасли из-за репрессий. В результате одни по своему желанию или против него оказались в армии, другие на время или навсегда уехали из страны.

Движение «Путь домой» громко заявило о себе примерно через год после объявления «частичной мобилизации». Поначалу его участницы действовали не публично. Они пытались добиться ясности по поводу сроков мобилизации через официальные обращения, петиции и переговоры с чиновниками. Эти действия не привели к успеху, и осенью 2023 года женщины впервые вышли на уличную акцию. «Путь домой» на момент написания этого отчета было единственным в стране массовым движением, публично выступающим с требованием демобилизации и критикующим российское военно-политическое руководство. Что подтолкнуло участниц движения к коллективным действиям, несмотря на риск репрессий?

2.1 Кто участвует в движении «Путь домой»?

Мы проинтервьюировали тринадцать участниц движения «Путь домой» в возрасте от 20 до 50 лет, с разным уровнем образования и проживающих в различных населенных пунктах — от городов-миллионников до маленьких поселков в разных частях России. Кроме одной матери мобилизованного, все они были молодыми женщинами в возрасте 24-35 лет и состояли в браке или находились в длительных партнерских отношениях с теми, кто был призван во время «частичной мобилизации». Большинство браков было заключено до осени 2022 года, но несколько информанток познакомились со своими будущими мужьями и вышли замуж уже после того, как тех отправили на войну. Примерно у половины информанток были дети, примерно половина из них не работала на момент интервью: одни из-за того, что находились с маленькими детьми, другие — потому что большая часть их времени уходила на поддержку мужей.

У наших информанток были разные политические взгляды. Отношение к «спецоперации» варьировалось от одобрения до критики, а политические симпатии — от поддержки режима до оппозиционных. Примерно две трети информанток были настроены против войны еще до объявления «частичной мобилизации». Однако мы не описываем противниц и

оправдывающих войну участниц движения отдельно, как мы делали это в предыдущем разделе, потому что различия во взглядах и в отношении к войне не отразились на последовательности их действий.

Взгляды наших информанток на войну и политику далеко не всегда совпадали со взглядами их близких, оказавшихся на войне. Более того, в ряде случаев последние не приветствовали коллективные действия, нацеленные на их возвращение с фронта.

Ни наши информантки, ни члены их семей не испытывали финансовых затруднений до объявления частичной мобилизации. Их доход был выше среднего по региону, а социальные выплаты, которые они стали получать после мобилизации, или не повлияли, или повлияли незначительно на материальное положение их семей.

2.2 От тревоги за мужа до «Марша пустых кастрюль»: процесс радикализации участниц движения «Путь домой»

Все участницы движения «Путь домой», с которыми нам удалось поговорить, прошли один и тот же путь в борьбе за своих близких. Они начали с попыток воспрепятствовать мобилизации своих мужей, партнеров и родственников. Затем, часто сообщая, они писали запросы и искали встреч с государственными чиновниками, чтобы разобраться в ситуации, в которой оказались их близкие, и приблизить их возвращение. Для этого они использовали официальные каналы взаимодействия с государством: составляли петиции и обращения, встречались с депутатами и представителями Министерства обороны. Осознав, что мобилизация оказалась бессрочной, а вышеуказанные действия безрезультатными, наши собеседницы начали участвовать в публичных акциях, приняв связанные с этим риски. Многие из них описали этот переход как «радикализацию», и мы используем это слово вслед за ними.

Неуспешные попытки уберечь

Никто из опрошенных нами участниц движения не отнесся с энтузиазмом к объявлению частичной мобилизации. Некоторые из них или не знали, что их партнеры или родственники получили повестки и собираются идти в военкомат, или были застигнуты «частичной мобилизацией» врасплох и не успели отреагировать, предприняв какие-то действия.

Остальные же, независимо от своих взглядов и отношения к войне, отговаривали своих мужей и партнеров от похода в военкомат и/или подписания документов о мобилизации, предлагая им различные варианты уклонения: от временного переезда и подкупа до нанесения увечий. Например, Полина так описала свои безуспешные попытки уберечь мужа:

«Вот у меня, например, моя подруга лучшая — они уехали в регион. Она его, получается, из Москвы прописала к себе там в дом, ну, в другом регионе... Прямо они взяли и уехали. Ну месяц-полтора, пока все не закончилось, они не приезжали в Москву. **А я ему [своему мужу] говорила: давай типа тоже уедешь.** Тем более мы тогда жили не по его прописке... ну то есть у него прописка в другом месте. **Типа не ходи на работу, не ходи на работу. Он говорит: как не пойду? И все. И в итоге пришли прямо на работу к нему»** (ж., 30 лет, менеджер).

А вот как о своей реакции на получение мужем повестки вспоминает Регина:

«Конечно, я рассматривала все варианты: и сбежать, и, не знаю, любые... ногу сломать. Но, как бы, я против насилия. Поэтому я ничего не сделала. Я просто... вот только словами отговаривала» (ж., 30 лет, домохозяйка).

Однако, несмотря на уговоры, мужчины отказались следовать предложениям своих жен и партнерок и, вопреки желанию последних, не предприняли активных попыток избежать «частичной мобилизации». Дальше мы объясним, почему это произошло.

«Петька пойдет, Васька пойдет, а я тут за твою юбку держаться буду?»: оценивая издержки уклонения

Отсутствие понимания того, чем грозит мобилизация и как ее можно было бы избежать, внесло важный вклад в то, почему получившие повестку мужчины не пытались сопротивляться отправке в зону боевых действий. Иногда, как в случае мужа Ники, который работал шахтером, они просто не знали, чем может закончиться простой поход в военкомат «для уточнения данных»:

«Нет, это не было добровольно. Он не думал идти [воевать]. Ну и как бы и не хотел, потому что ну на тот момент у нас двое детей было в семье. Вот. Ну мы хотели третьего ребенка как бы... 29 сентября ему на работу пришла повестка, 30-го он убыл. Тут как бы особо... **мы даже не поняли, понимаете, что происходит, почему, зачем и как...** То есть он пошел просто по повестке, так как его вызвали. Причем... там повестка тоже, у меня где-то есть, — **там не писали, что это по мобилизации. Там была повестка для уточнения данных**, насколько я помню... Вот там с утра, получается, поехал, да там к 8:00, к 9:00 — не помню уже, во сколько там открывается военкомат. Все, убыл он в обед, после обеда, наверное, потому что дневное время это было» (ж., 32 года, юрист).

А София, мать мобилизованного, просто не предполагала, что ее сына могут отправить на войну. Ни она, ни ее сын, живущие за Уралом, не следили ни за новостями, ни за обсуждениями в соцсетях, где рекомендовали «ни в коем случае не ходить в военкомат»:

«За этим [обсуждениями мобилизации в сми и соцсетях] никто [из нас] не следил. Потому что это казалось где-то далеко и глубоко и нас это коснется. Я за этим точно не следила, вообще никак... Он мне сказал, что завтра я иду в военкомат. Я, конечно, была в шоке. Но, с другой стороны, вы понимаете, **он мне когда показал эту повестку, там написано: “взять паспорт и военный билет”... Я, честно говоря, думала, это просто там вот их там соберут, переписут, что есть такие люди.** То есть я об этом — о том, что кто-то кого-то куда-то забирает, я даже предположить не могла. То есть вы, умные люди, видимо, это где-то обсуждали, а мы...» (ж., около 50 лет, руководитель на заводе).

Если оставить в стороне случаи, когда мужчины были мобилизованы «по незнанию», и обобщить аргументы, с помощью которых мужья и партнеры наших информанток обосновывали свое решение пойти по повестке в военкомат, окажется, что произошло следующее: мужчины оценили возможные издержки от уклонения как слишком высокие, превышающие издержки от попадания в «зону СВО».

По рассказам наших собеседниц, их спутники ориентировались на уверенность военкомов о том, что мобилизованные не будут участвовать в активных боевых действиях, служба продлится всего несколько месяцев и будет похожа скорее на вызывающий приятные воспоминания молодости опыт «срочки»:

«Тогда ж была вот эта пропаганда, что вроде вас в тероборону. Ну что там на вторых, на третьих линиях, вот. И у них, знаете, вот этот вот какой-то **романтизм со срочки**, идиотский совершенно. Они, придурки, думали, что там так же» (ж., около 30 лет, домохозяйка).

Несколько женщин упомянули, что их партнеры рассматривали «частичную мобилизацию» как возможность преодолеть личный кризис. Например, муж Марианны «просто сказал, что “ну пригожусь хоть там”, и пошел» (ж., около 20 лет, студентка). А муж Надежды, по ее ощущениям, пытался «немножко самоутвердиться»:

«Вот он **помнит, как он срочку служил. Что это там как пионерлагерь, блин весело-прикольно**. Там вот эти спартанские условия, типа мы там с пацанами. Наверное, чего-то такое было. Ну **чего-то доказать себе**, может. **Чего-то доказать кому-то**. Учтывая, что он на гражданке в последний год... **вообще последние как бы пару лет у него были не очень удачные с точки зрения там его какой-то реализации**. Вот. И он, наверное, немного там в себе тоже разочаровался. Может быть, он подумал, что как-то... Не знаю. Не могу тоже судить, о чем он подумал. Это только мои догадки. Но похоже это было так немного на то, что он **пытается немножко самоутвердиться**» (ж., 26 лет, не работает).

Основные издержки, которых мужчины пытались избежать, — это «потеря лица», вызванная нарушением общественных представлений о мужском поведении, а также страх уголовного преследования. В разговорах со своими женами и партнерками мужчины обосновывали свое решение не сопротивляться призыву главным образом своими представлениями о должном для настоящих мужчин поведении. Эти представления можно резюмировать емкой фразой мужа Веры: «я бегать не буду, я мужик, я пойду» (ж., 34 года, домохозяйка). А Руслана, чей муж был бывшим военным родом из небольшого поселка на границе с Украиной, так пересказала слова своего мужа: «как я буду смотреть в глаза родителям, мамам, если вот я останусь здесь живой, как говорится, а их сына, брата, отца

убьют там... нет, **я себе этого не прощу, я ж не трус»** (ж., 43 года). Отвечая на вопрос, рассматривали ли их близкие возможность не являться в военкомат по повестке, Василиса рассказала:

«Ну я совру, если скажу, что нет. Но опять же вот ответственность, та ответственность, то **общественное мнение — оно все равно на нас давит**. Ну то есть косые взгляды соседей, с его работы, еще что-то — давит» (ж., около 31 года, домохозяйка).

Многие мужчины были убеждены в неотвратимости наказания за уклонение, а также в том, что «частичная» мобилизация в конечном итоге превратится во всеобщую. Например, в глазах мужа Регины попытка уклонения была обречена на провал именно потому, что «все равно всех найдут». Поэтому он считал, что лучше прийти в военкомат «своими ногами», чтобы, по крайней мере, сохранить таким образом достоинство:

«Он пошел, конечно, своими ногами, но потому, что повестка пришла на работу. То есть, у него как бы немного было выбора отказаться от этого. К тому же, ну, как бы **он считал, что бегать от этого бессмысленно. Все равно всех найдут**, всех отправят, и это будет уже как-то некрасиво. Что вот **надо идти самому, а то там кого-то в наручниках доставляют... и даже это стыдно...** В общем, так как ему поступала другая информация, и, возможно, он даже был запуган тем, что там дают сроки какие-то за то, что... Ну вот все-таки он, получается, был как бы и обманут... ну никаких законов как бы... он не разбирается, просто где-то **сказали, что всех там забирают, кого с наружниками, там приводят**. И он говорит: ну как так — я не пойду?... И **война там какая-то ну... всенародная, и все** пойдут туда, короче. Вот так. Было такое, что сейчас **все пойдут, и прятаться бессмысленно**. И, в общем, **будем воевать теперь все**. Только воевать» (ж., 30 лет, домохозяйка).

Долг как моральное обязательство по защите Отечества обычно был далеко не решающим мотивом среди причин, по которым, согласно словам наших информанток, мужчины решили не сопротивляться «частичной мобилизации». Место «долга Родине» в иерархии причин и мотивов хорошо видно в цитате из интервью с Региной:

«Ну, в общем, все равно как бы у человека пропагандой, я думаю, голова была немножко забита. Все-таки телевизор сыграл свою роль. И до сих пор играет. Так что там было как бы,

что **безысходность**, что **некуда деваться**, и чувство, что **это какой-то долг**. Что вот все-таки рассказали по телевизору, что там нацисты» (ж., 30 лет, домохозяйка).

В этом ряду отсылка к моральному измерению — чувству долга по защите страны от нацистов (его абстрактность выражается предикатом *какой-то*) возникает только после очевидно куда более весомых причин неуклонения. В перечисление мотивировок мужа Василисы понятие долга тоже возникает в последнюю очередь:

«Я предлагала сломать ногу, я предлагала купить этот больничный. На что он посмотрел на меня: ты, говорит, что, дура? Ну там **Петька пойдет, Васька пойдет, а я тут за твою юбку держаться буду?** Ты че, говорит, **ну мне же стремно. Во-первых, говорит, я мужчина. Ты что предлагаешь мне такое?** Во-вторых, говорит, все идут, а давай, говорит, все попрячутся. А дальше-то что, говорит. Ты хоть головой-то своей куриной, бабской думай, говорит. Ты что мне такое говоришь. **Это наш долг, говорит. Мы должны, мы обязаны это делать**» (ж., около 31 года, домохозяйка).

Опираясь на наш анализ способов уклонения от срочной службы можно предположить, что риторика долга Родине, то есть отсылка к некоему коллективному благу, используется мужчинами для того, чтобы сделать свое решение, основанное на частных интересах, социально одобряемым. Это предположение косвенно подтверждается тем обстоятельством, что мужчины, принявшие решение о том, чтобы не пытаться избежать мобилизации, в будущем переосмыслили свои доводы. Например, Василиса рассказала о том, что ее муж в какой-то момент начал сожалеть о том, что неправильно оценил — а точнее переоценил — издержки от уклонения. Ей он признался, что не пошел бы по повестке, если бы знал, что можно было отделаться штрафом):

«И если даже те, кто на работе, которые говорят типа... на одном предприятии там работали, они говорят: ой блин, мне вот повестка тоже пришла, а я вот больняк [больничный] себе взял. Мы такие: в смысле? Тогда разве что из утыгов не орали то, что, если ты не явишься по повестке там, все, тюрьма, блин, на двадцать лет ты там уедешь. Сейчас мы, конечно, вот с мужем даже разговаривали, он такой говорит: **блин, да если бы я знал, что я получу только штраф, ну заплачу там, я бы это**

сделал. Я бы это сделал. Я бы на хрен, говорит, все послал, потому что, говорит, мы там, а все здесь живут как ни в чем не бывало».

Наблюдая, как другие мужчины, избежавшие мобилизации, — в данном случае сослуживцы мужа — живут «как ни в чем не бывало», «припеваючи», Василиса вынесла мужу вердикт:

«Ну вроде бы мой и герой такой, а с другой стороны дурак последний. Дурак. Потому что была возможность — мы не соскочили с этих рельс».

Аналогично о своих партнерах высказывались и другие наши собеседницы:

«Вот если раньше я еще как-то понимала, у меня было терпение. Я там очень снисходительно к нему относилась, потому что я понимала, что да, ему там тяжело, на фронте, все такое. Не знаю. Сейчас у меня прямо очень много раздражения. И иногда хочется прямо сказать, что сам во всем виноват и типа сам дурак» (ж., 26 лет, не работает).

В представлении наших информанток, их партнеры и мужья — «дураки», потому что они не послушались их советов и обманулись, ведь цена «выхода» из ситуации, которая вылилась в несение пожизненной повинности, была не так высока.

Таким образом, если российская пропаганда продвигает взгляд, согласно которому российские граждане, как мобилизованные, так и контрактники, идут на «СВО», повинуюсь патриотическому чувству долга перед страной, то наши интервью показывают, что это не так. Мужья и партнеры наших собеседниц оказались на войне или из-за неудачного стечения обстоятельств (отсутствие информации о частичной мобилизации, незнание своих прав, растерянность), или из-за неверной оценки баланса личных потерь и выгод от уклонения. Из-за пропаганды и заверений (или даже запугиваний) сотрудников военкоматов и желания «не потерять лицо» и «не прятаться за юбкой» они выбрали то, что казалось им «меньшим из двух зол» (ж., около 30 лет, продавщица) — и просчитались.

«Нам ваши деньги не нужны — верните наших мужиков!»

Никто из наших собеседниц не упомянул, что получение социальных выплат было важным фактором при принятии их близкими решения о мобилизации или что они или их близкие нуждались в деньгах. Только партнер Надежды, интервью с которой мы уже цитировали выше, на момент объявления мобилизации не имел постоянного места работы. Однако даже в его случае деньги, по словам Надежды, не были главной причиной, по которой он решил явиться в военкомат по повестке. Остальные мужья, партнеры и родственники участниц движения имели стабильную работу и заработок, позволяющий им обеспечивать комфортную жизнь не только себе, но и жене и детям, если таковые имелись. По словам наших информанток, материальное положение их семей до начала мобилизации было средним или даже выше среднего. Например, Вера, которая вместе с ребенком жила на обеспечении мужа, указала, что ее муж зарабатывал до войны около ста тысяч рублей — «бешеные деньги» по меркам их республики. «Сложно такую работу найти. Нормально. Мы не бедствовали» (ж., 34 года, домохозяйка). На вопросы об изменениях в субъективном ощущении достатка и уровня жизни в связи с войной, участницы движения обычно отвечали, что изменений не почувствовали, что опять же скорее подтверждает, что и до мобилизации они не нуждались в деньгах. Например, Ника, чей муж был мобилизован, так объяснила, почему социальные выплаты не изменили материальное положение их семьи в лучшую сторону:

«Муж у меня шахтер как бы. Ну мы в Сибири, видите, у нас это одна из таких высокооплачиваемых профессий в принципе в регионе. У меня тоже до декрета была неплохая зарплата. То есть я не скажу, что вот ну там прямо стали жить лучше, нет, такого нет абсолютно. Мы примерно на этом же уровне и живем, как жили до всего этого... Плюс у нас недвижимость есть еще, которая тоже приносит доход. Ну, так скажем, мы жили выше среднего всегда» (ж., 32 года, юрист).

Выплаты, которые мужья, партнеры и родственники наших информанток регулярно (на момент интервью) получали в статусе мобилизованных, варьировались от ста до двухсот пятидесяти тысяч рублей в месяц, в зависимости от региона проживания мужчины. Как и близкие военнослужащих, описанные в предыдущем разделе, участницы движения «Путь домой» рассказывали нам, что значительная часть этих выплат тратилась на войну — особенно в первые месяцы после объявления мобилизации, когда семьи были вынуждены самостоятельно покупать необходимые

вещи. Вот как описывает эту ситуацию Руслана, жительница мегаполиса, которая поддерживала своего будущего мужа, переводя ему часть собственной зарплаты:

«А все же еще упрекают, что, вот вы зарплату получаете, все мобилизованные пошли за деньгами. **А по сути, когда объявили мобилизацию, даже речь о деньгах никакая не шла. Все же покупали все на свои деньги, там в военкомате давали список этот медикаментов, униформы, что надо купить там, и так далее.** И первая его [мужа] зарплата была в декабре месяце, ближе к Новому году. Получается, он жил на деньги, которые были с продажи машины, вот. Ну и я ему регулярно отправляла деньги, перекидывала» (ж., 43 года).

Мобилизованные тратили значительную часть получаемых выплат не только на собственное обеспечение и жизнь в полевых условиях, но и, например, на «покупку» выходных или отпусков. Например, Руслана рассказала следующую историю:

«Первый отпуск дали ему как раз на майские праздники. А по поводу второго отпуска... там командование их не отпускало, и в итоге получилось так, что командир ему, ну, заявляет, говорит: извините, у нас тут такая экстренная... ну сами видите, какая обстановка тяжелая, зарплата у вас хорошая, поэтому покупайте отпуск... Он купил отпуск. Сутки — три тысячи рублей. И там он и с кем он там служит, ребята — они покупали отпуск на месяц. А по документам — две недели. Вот так вот получается, у нас работают командиры... За все, что там происходит, командование просит денег» (ж., 43 года).

Все, что оставалось после оплаты расходов, связанных со службой в армии, мужчины, как правило, отправляли своим женам. Примерно половине наших собеседниц удавалось откладывать часть зарплаты их партнеров.

Некоторые из наших информанток сообщили, что их материальное положение немного улучшилось после того, как они начали получать социальные выплаты, предназначенные мобилизованным. Вместе с этим они неоднократно подчеркивали, что готовы отдать любые деньги, если это поможет вернуть их мужей. «Нам ваши деньги не нужны — верните наших мужиков!» — емко сформулировала эту мысль участница движения Надежда (ж., 26 лет, не работает). Такой акцент на отсутствии экономи-

ческой мотивации был и остается важной частью идентичности участниц «Пути домой»: они противопоставляют себя другим женщинам — подписчицам телеграм-каналов для родственников мобилизованных и просто обывательницам — подчеркивая одновременно и свою активную позицию в отношении судьбы их мужей и партнеров, и отсутствие материальной заинтересованности в том, чтобы те продолжали службу:

«Есть очень много женщин, которые как бы: ой, да что вы. Но они просто промыты пропагандой, они **не понимают, что там просто утилизация идет**, и что... ну им **капает денюжка на карточку — они и рады стараться...** Причем у них тоже проблемы. У них проблемы у многих [у их мужей] с отпусками. У многих парни уже ранения получили. А этим курицам вообще ну просто [до лампочки]...» (ж., около 30 лет, домохозяйка).

Невозможность обмена жизни человека на деньги, какими бы большими по локальным меркам они ни казались, один из важных аргументов, выработанных движением и его участницами в борьбе за своих близких.

«Мобилизованные — кто они вообще такие?»: Прояснение легального статуса и письменные обращения

После отъезда своих близких будущие участницы движения были на время парализованы той ситуацией, в которой внезапно очутились. Как отметила Надежда, «случилась мобилизация, и в такой полной апатии, каком-то шоковом состоянии несколько месяцев я пребывала» (ж., 26 лет, не работает). Такая шоковая реакция вполне объяснима — мобилизация стала событием, не имеющим аналогов в современной российской истории. В последний раз страна сталкивалась с тем, что обычных граждан вырывали из привычной жизни и отправляли на фронт, в далеком 1943 году. К тому же, после начала вторжения в Украину президент неоднократно уверял, что призыва резервистов не будет. Поэтому объявление частичной мобилизации в сентябре 2022 года породило ощущение глубокой неопределенности: никто, включая самих представителей власти, не знал ни точных сроков, ни условий службы мобилизованных. Чтобы оправиться от первого шока, будущим участницам движения «Путь домой» потребовалось некоторое время — от нескольких месяцев до полугода. Именно тогда они начали предпринимать первые попытки прояснить ситуацию, в которой оказались вместе со своими близкими. В первую очередь они хотели понять, когда те вернутся домой.

Женщины стали обращаться за разъяснениями в различные государственные инстанции — например, Министерство обороны или Администрацию Президента. Некоторые из них добивались очных приемов и лично задавали вопросы чиновникам, другие писали обращения и запросы, а также подписывали петиции. Но эти попытки установить диалог с государством наталкивались на стену молчания:

«Василиса: Значит, когда забирали в военкомате, мне лично сказали, что забирают на полгода. По моим подсчетам, он должен был вернуться в конце апреля. Но вот проходит апрель, и он мне говорит про отпуск. Я в шоке. Ну в смысле отпуск? А домой? Потом, значит, я тут начинаю... Это уже май прошел, июнь прошел, я стала ходить здесь, значит, военкомат — они руками мне разводят, мы, мол, ничего не знаем. **Пошла к мэру — мы, мол, ничего не знаем, нам тоже сказали, на полгода... Пишем письма. Весело. Всем подряд уже. Одни отписки.**

Интервьюер: А кому?

Имя: **Мне легче сказать, наверное, кому я не писала.** Там вся Государственная Дума, Совет Федерации, приёмная президента, Министерство обороны, **всех, кого нашла, всем писала.** Главе республики нашей писала, в наш главный военкомат вот этот, который по республике, писала. Ай, все это bestолку» (ж., около 31 года, домохозяйка).

Причем если одни чиновники, как в последней цитате, разводили руками и говорили, что никак не могут помочь, поскольку решение находится вне их юрисдикции, то другие в грубой форме осуждали женщин за само желание вернуть мужей и за настойчивость:

«То есть я обращалась к **главе республики, губернатору, с одной мольбой, можно сказать, криком о помощи.** **Помогите, помогите с установлением сроков службы.** Ну или направьте меня туда, где я могу получить данный ответ. Ну просто, что делать? Опять писать президенту, чтобы он опять послал в МО, а с МО ответы вот приходят — они же шаблонные. Они просто шаблонные... Ну с депутатом, конечно... ой, не с этим, а с губернатором мы, конечно, друг друга не поняли, катастрофически. Потому что **меня, женщину, мать, жену, пытались пристыдить тем, что в 41-м такие вопросы вообще не задавались, и вообще-то у нас война.**

Во многом именно рост беспокойства за своих близких заставил наших информанток перейти к действиям. Во всех случаях, попавших в нашу выборку, родственников и членов семьи будущих участниц движения отправили на передовую, в трети случаев — в составе штурмовых отрядов. Из-за отсутствия связи женщины подолгу не получали информации о том, что происходит и где находятся их близкие. Кроме этого, в отличие от родственников военнослужащих, описанных нами в первой части этого отчета, будущие участницы движения «Путь домой» оказались окружены, или сами постепенно окружали себя, людьми, находящимися в похожей ситуации. Например, Мила начала ходить на встречи с депутатами вместе с другими женами мобилизованных. А Полина, после того, как ее мужа отправили «на передок», постоянно созванивалась с женой мобилизованного из его полка, чтобы делиться переживаниями. Государство, само того не осознавая, способствовало созданию группы, объединенной общим опытом неопределенности и отчуждения.

В условиях информационного вакуума жены мобилизованных, не получавшие каких-либо внятных ответов от государственных чиновников, стали все больше полагаться друг на друга. Так появились первые чаты и сообщества, где будущие участницы движения сначала делились друг с другом информацией, а позже находили единомышленниц. Из первой части этого отчета мы знаем, что в отдельных (но редких) случаях другие родственники военнослужащих тоже могли объединяться друг с другом. Важно, однако, что будущие участницы движения «Путь домой» делали это уже в начале своего пути.

Часто присоединение к движению «Путь домой» было результатом цепочки случайных совпадений, которые, однако, стали возможны благодаря целенаправленному желанию женщин, потерявших надежду на государство, найти помощь в возвращении близкого. Например, Марианна узнала о движении и присоединилась к нему, потому что активно подписывала петиции за возвращение мобилизованных:

«Как я попала в канал “Путь домой”, это, скорее всего, даже не вспомню, потому что тогда очень много информации искала. Скорее всего, наткнулась в интернете на одну из петиций, и там был указан данный телеграм-канал» (ж., около 20 лет, студентка).

Многие участницы пришли в движение из-за неудовлетворенности тем, что делали другие, более лояльные и, по их мнению, неэффективные группы родственников мобилизованных. Даже группа Ольги Кац «Вернем ребят», в которой состояли многие активистки «Пути домой», в какой-то

момент перестала удовлетворять запросы будущих участниц движения, потому что продвигала исключительно неполитические методы борьбы. Ксения вспоминала:

«Если честно, не помню точно, где нашла эту группу [“Путь Домой”]. Вроде ссылка на нее попала мне в какой-то из смежных групп-сообществ родственников мобилизованных. Я видела группы “Вернем ребят” и, вроде, “Мобилизованным пора домой”, но когда поняла, какими методами они планируют работать, потеряла к ним интерес. **Я убеждена в том, что добиться чего-то просьбами, обращениями и уж тем более подначиванием населения подписывать контракт точно не получится**» (ж., 24 года, не работает).

Когда наши информантки присоединились к движению, оно стало для них важным ресурсом, поддерживающим их в борьбе за своих близких: они поняли, что они не одни не только в своей беде, но и в своем отчаянном желании действовать. Вместе с этим, объединившись с женщинами, оказавшимися в схожей ситуации, они еще острее почувствовали свое отличие от «всех остальных»: от других родственников мобилизованных, которые не пытались вернуть своих близких; от друзей, знакомых и общества в целом, которое продолжало жить как прежде; от государства, которое их сначала игнорировало, а потом сделало своими врагами; от либеральных и патриотически настроенных граждан, которым они оказались одинаково чужды (подробнее об этом можно прочитать в разделе, посвященном формированию групповой идентичности).

Протест

Telegram-канал «Путь домой» был создан 20 августа 2023 года, а первый пост в нем появился 2 сентября. Первоначально движение ратовало за диалог и конструктивное взаимодействие с государством. Администраторы канала публиковали подробные инструкции по составлению обращений, объясняя, кому и когда нужно писать. 21 сентября 2023 года канал сообщил о встрече с депутатами Государственной Думы Дмитрием Кузнецовым и Василием Власовым, где им было обещано создание рабочей группы для решения проблем мобилизованных. Главной задачей этой группы стало «возвращение мобилизованных домой в максимально короткие сроки». Однако после первой встречи группы с представителями Министерства обороны в октябре стало понятно, что инициатива не увенчается успехом. Участницы движения начали жаловаться на игнорирование их требований. В канале появились мемы об отписках от властей,

инструкции по обращениям стали включать ссылки на статьи Конституции, и участницы движения начали публично использовать язык прав. Появились вопросы: «Защита отечества является Конституционным долгом только 1% населения?»»

Перелом и в риторике канала, и в ожиданиях самих участниц движения, надеявшихся на конструктивный диалог с государством, произошел в конце осени 2023 г. 31 октября стало известно о том, что депутатов, сотрудничающих с движением и ответственных за создание рабочей группы для решения проблем мобилизованных, лишили депутатских мандатов. 5 ноября участницы движения впервые вышли на публичный митинг, присоединившись к акции КПРФ, а спустя несколько дней канал опубликовал инструкции по созданию региональных сообществ и по проведению публичных мероприятий. 11 ноября в телеграм-канале появился манифест с основными требованиями движения, первым из которых было требование «полной демобилизации». А 30 ноября, через день после появления символа движения — белого платка — администрация «Телеграма» пометила канал плашкой «фейк». Это осложнило поиск и распространение материалов канала на платформе, одновременно сигнализируя активисткам о недовольстве властей их деятельностью. Участницы движения все больше и больше стали ощущать, что государство не готово прислушаться к их требованиям. Постепенно к ним стало приходить осознание, что их родственники, мужья и партнеры не вернуться домой, — ни в ближайшее время, ни, возможно, когда-либо. Вот как эту динамику описала Ника:

«Интервьюер: А когда вот примерно, как вам кажется, этот баланс изменился, что уже вот точка кипения и готов на больше, чем там раньше, допустим, — это когда примерно произошло?
Ника: Это, наверное, произошло, **вот год, когда был год с момента частичной мобилизации**, это вот октябрь, наверное, конец октября 23-го года. Вот произошли уже ну вот такие **изменения**, наверное, **в сознании**. Больше стало приходить [понимание], что нет, **все-таки наших ребят не вернут**» (B16).

Последней каплей, превратившей и телеграм-канал, и многих участниц движения в открытых критиков политического режима, стала «Прямая линия» с президентом РФ, состоявшаяся 14 декабря 2023 года, на которую участницы движения возлагали большие надежды. На канале был размещен призыв писать на «горячую линию президенту» с вопросами о том, когда будет проведена демобилизация. Однако отвечая на вопросы граждан 14 декабря, В. Путин эти вопросы проигнорировал, как и тему

демобилизации в целом. В этот момент надежда, что их близкие скоро вернуться домой, которая еще теплилась у участниц движения, окончательно исчезла:

«Я как бы не надеялась, что он что-то скажет. Точнее... Я не знаю, это как такой, знаете, **всегда лучик надежды**. Но он не состоялся. И я смотрела, и просто мне было... не то, что он даже просто об этом не сказал... Вот я смотрела, как это все постановочно происходит, и мне было обидно. Прямо вот мне какую-то лично обиду нанесли... У меня прямо возникло это вот чувство демотивации от как будто бы бессилия того, что мы делаем. Потому что мы проделали как бы такую большую такую работу, там закидали просто кучу этих сообщений. **В итоге мы надеялись, что он хотя бы ну чего-нибудь там, блин, придумает. Допустим, скажет, что: ой ну вы потерпите еще чуть-чуть, но сейчас...** Ну чего-нибудь такое хотя бы. Он вообще ничего не сказал. То есть я не знаю, почему на меня это такой эффект оказало. Но вот я говорю, что **после этой прямой линии у меня прямо новый виток какой-то радикализации случился**. Вот я даже на пикет вышла... Да, он [Путин] проигнорировал... И вот это было такое, что вы как будто бы ничего не значите просто. **Нас не существует для него**. И это даже, наверное, обиднее, чем если бы он... ну я не знаю... как-то, может, негативно даже отреагировал, я не знаю... Ну просто, да, [как будто мы] пыль под ногами какая-то. Изгой» (ж., 26 лет, не работает).

Однако сознание бессмысленности своих предыдущих действий, как отметила Надежда, не демобилизовало участниц «Пути домой». Напротив, их отчаяние превратилось в злость, которая дала энергию для продолжения борьбы:

«Ну и меня **от этого бессилия, конечно, злость, потому что ну блин, мне хочется что-то сделать, мне хочется что-то исправить**, а я ничего не могу сделать» (ж., около 30 лет, продавщица).

«Нас заживо похоронили, и терять больше нечего», — так Мила прокомментировала свою реакцию на «прямую линию». Но несмотря на разочарование и чувство бессилия, которые «прямая линия» довела до предела, именно она стала переломным моментом для многих участниц движения, который позволил им перейти к более активным публичным действиям и открытой конфронтации с государством.

Когда стало ясно, что надежды на возвращение их близких нет, репертуар действий участниц движения изменился. Осознание бессмысленности предыдущих действий, бессилие и злость подтолкнули их к переходу от жалоб и письменных обращений в государственные инстанции к участию в публичной политике: они начали записывать и выкладывать публичные видеообращения в соцсетях, давать интервью прессе, организовывать политические акции, например, митинги, возложение цветов или «марш пустых кастрюль». Этой смене репертуара методов воздействия на власть во многом способствовало широкое медиа освещение самой первой публичной акции движения, во время которой участницы «Пути домой» присоединились к митингу КПРФ в Москве в ноябре 2023 года. После нее стало понятно, что единственный способ привлечь внимание представителей государства к проблеме родственников мобилизованных — это сделать их видимыми в публичном пространстве. Вот как эту динамику описала Надежда:

«А потом я уже поняла, что вот это писать письма... но это уже было, наверное, где-то в конце октября [2023 года]. Это уже период полного разочарования. То есть я поняла, что писать письма, я не знаю, ходить на встречи с депутатами — это какой-то бред, ну, потому что никакой реакции нет. **Никакой отдачи вообще за полгода.** Ты приходишь, они тебе там головой кивают, и потом вот эти вот статьи выходят на “Коммерсанте”, где проводит тренинг Кириенко с главами регионов, где он говорит, что ну кого-то надо гасить деньгами, кого-то надо просто выслушать, а кого-то, я не знаю там... Ну типа и я понимаю, что такой подход. И потом вышли, короче, на митинг. Вот к этому, КПРФ который был... Хотя там было человек, я не знаю, наверное, пятнадцать. Может, двадцать от силы. **Но это наделало какого-то такого шума, как будто, я не знаю, митинги Навального многотысячные... Да. И я поняла, что ну надо действовать так. То есть выходить на улицу, как-то провокационно себя вести. Потому что до этого они избрали тактику даже, знаете, не гасить нас, а просто не замечать.** Вот до этого, пока мы там писали письма, просто нас как будто не существует. Молчание полное» (ж., 26 лет, не работает).

Переход к публичным акциям не только ознаменовал переосмысление участницами движения их предыдущих надежд добиться чего-либо от чиновников «по-хорошему». Он также сделал их видимыми для государства, которое, в свою очередь, стало атаковать не отдельных участниц, а движение «Путь домой» в целом.

2.3 Динамика отношений с государством

«Просто скажите, на сколько вы их забрали?»

Главное официально заявленное требование движения «Путь домой» — полная демобилизация. Однако участницы движения по-разному смотрели на то, как это требование может (и может ли вообще) быть выполнено. В разговорах с нами некоторые собеседницы говорили о необходимости всеобщей демобилизации и окончании войны; другие — о том, что им было бы достаточно возвращения их близких. Например, по словам Василисы, она была бы готова прекратить любую политическую деятельность, если домой вернется ее муж:

«И сейчас я хожу тоже вот по всем этим митингам, и даже от девочек в “Путь домой” я это не скрывала, я об этом писала, что если мне ну скажут типа: блять, заебала, мы тебе вернем мужа, но ты закроешь рот — поверьте, я закрою рот! Я продамсья! Я продамсья, ради него продамсья. Я буду ходить за Путина, за “Единую Россию”, я, блин, стану возле военкомата с флаерами, буду раздавать, типа идите ребята воюйте» (ж., около 31 года, домохозяйка).

Часто представления наших собеседниц и о целях собственного участия, и о целях движения могли меняться со временем. Например, Снежана поделилась следующим наблюдением:

«Потом есть часть таких [женщин], которые, ну уже видно, что измучились. Я понимаю, что измучились. У меня тоже был такой период: вот что угодно, лишь бы его вернуть. Это вот был какой-то период. С чертом хоть договариваться буду, только чтобы его вернуть. Но это уже от отчаяния» (ж., около 30 лет, продавщица).

Некоторые же участницы движения, напротив, начинали с более индивидуалистических требований — и постепенно переходили к более общим. Так, например, произошло с Никой:

«Тут тоже, знаете, тут тоже произошел переломный момент. Наверное, это было в конце того [2023] года, я так скажу. **То есть изначально были требования: замените наших на других и воюйте дальше, если вам это угодно.** Сейчас уже люди более как-то так стали относиться, я все чаще и чаще встречаю позиции, наверное, схожие с моей, что ну сколько можно, как

бы, наверное, **пора сворачивать эту всю лавку как бы совсем** и не кошмарить людей, просто дать жить спокойно» (ж., 32 года, юрист).

Показательно, что размышляя о переменах своего взгляда на требования движения, Ника одновременно, пусть не напрямую ставит под вопрос необходимость продолжения войны:

«Причем люди-то обычные страдают, и все мы это понимаем. Что на той стороне точно такие же мобилизованные, потому что там уже тоже проф[ессиональной] армии-то совсем не осталось, и страдают обычные гражданские люди, у которых там по тем или иным причинам не было возможности куда-то переехать и они остались жить. Ну я говорю, тут **вот это само СВО, тут не будет победителей вообще никогда...** Я прямо заметила, что все больше и больше людей осознает, что это просто какая-то бесконечная кабала и мы... Не знаю, есть, конечно, люди, которые пишут: вот, пусть там будет вторая волна мобилизации, и все. Я, проживя так более года, я никакой семье так жить не пожелаю вообще. Я не хочу, чтобы такая беда пришла еще в 300 тысяч семей. Мне это не надо... Мне кажется, тут, знаете, как солидарность, наверное, какая-то. Мне прямо важно, чтобы демобилизовали всех призванных мужчин, чтобы наша армия была из военнослужащих, кто добровольно изъявил желание служить, а не так что вырвали мужчин из семейной жизни на более чем уже там... более года» (ж., 32 года, юрист).

Однако первым коллективным требованием участниц движения было установление конкретных сроков службы. Сначала каждая из них в частном порядке пыталась понять, когда ее мужчина вернется домой. После того, как стало ясно, что официальных сроков окончания мобилизации не существует, участницы «Путь домой» стали требовать установить эти сроки и настаивать на демобилизации тех, кого забрали осенью 2022 года. Таким образом, именно осознание бессрочности мобилизации заставило участниц движения перейти к публичным акциям.

Исследования протестной мобилизации в России до 2022 года систематически демонстрировали, что независимо от политических взглядов люди начинают протестовать тогда, когда их привычная жизнь оказывается под угрозой. Однако когда «частичная мобилизация» коснулась родственников и членов семей наших информанток, они, несмотря на сильные негативные переживания, не возмутились настолько, чтобы сразу перейти к публичному протесту. Настоящее возмущение оказалось

отложенным во времени — для многих на целый год — и возникло оно в тот момент, когда стало окончательно понятно, что мобилизация имеет бессрочный характер. Именно бессрочность мобилизации, а не сам факт насильственного и внезапного ограничения свободы и прав человека в результате принуждения к военной службе, была основной причиной возмущения и недовольства женщин, присоединившихся к «Пути домой». Вот как Регина описала свое решение присоединиться к движению:

«Как попала в движение? Просто в интернете я увидела. Это было осенью [2023-го года]. Ну а ситуация — у меня мобилизован муж. Вот уже сколько месяцев... я сбилась. С осени 2022 года. **И так как мобилизация у нас оказалась бессрочной**, то, соответственно, очень много недовольных родственников, и я в том числе, — **те, кто не согласны с этой бессрочной мобилизацией** и требуют демобилизации» (ж., 30 лет, домохозяйка).

А Марианна так ответила на вопрос о том, что подтолкнуло ее искать способы вернуть своего супруга:

«...Без этого человека мне безумно одиноко. Я просто понимаю, что это мой родной человек, без которого я просто не могу, и очень хочется, чтобы он был дома. **А такая несправедливость, что мобилизованные и большинство контрактников служат без сроков**, это для меня просто ну какой-то **нонсенс**. Ну и соответственно, **именно из-за этого** решила хоть что-то попытаться искать [способы вернуть его]» (ж., около 20 лет, студентка).

Именно неограниченный во времени характер мобилизации, а не сам факт ее проведения, казался Марианне несправедливым и побудил ее начать предпринимать действия для возвращения мужа.

Свое возмущение по поводу бессрочности мобилизации участницы «Пути домой» выражали емкими метафорами: «узаконенное рабство» (ж., 30 лет, менеджер), «крепостное право (ж., около 31 года, домохозяйка), «бесконечная кабала» (ж., 32 года, юрист). Именно установление сроков мобилизации было первым и главным требованием участниц движения. Сначала участницы движения подавали устные и письменные обращения в различные государственные инстанции. Затем они предложили законопроект, который так и не был вынесен на рассмотрение. Они подписывали петиции, составленные Ольгой Кац. Вот как Вера описала одну из них, для которой она с другими женщинами собирала подписи:

«Выглядело это как расписка. Там: я такая-то, такая-то, там указывали либо свой адрес домашний, либо этот, как он, почту электронную. И там: от лица там жен, сестер, матерей, подруг, невест солдат, призванных на военную службу по частичной мобилизации в ряды вооруженных сил Российской Федерации, **прошу** нашего **президента** принять указ о том, **чтобы установили сроки службы**, и второе, чтобы он... это уже июль [2023 года] был — **признать достаточным участие** вот этих товарищей наших, ну типа в специальной военной операции» (ж., 34 года, домохозяйка).

Наконец, участницы «Пути домой» стали выходить с лозунгами, требующими установления сроков мобилизации, например, «нет **бессрочно** му рабству!» (ж., около 30 лет, домохозяйка), на публичные акции.

Ограничение службы по времени было для участниц движения важнее конкретных сроков, в которые их мужья должны будут вернуться к ним. Определение этих сроков они оставляли на усмотрение государства:

«**Вопрос только один** — установление сроков службы, **на сколько вы забрали** гражданского человека? ...Я пытаюсь сделать так, чтобы нас услышали, чтобы были установлены сроки службы. **Просто скажите, на сколько вы его забрали.** Два года — **я отмечу себе это вот в календаре. И я просто буду каждый день молиться и ждать.** И я буду знать, что по истечении этих двух лет мой любимый вернется ко мне. Ну вот это вот, дайте справедливости немножко» (ж., около 31 года, домохозяйка).

Заочно обращаясь к государству в ходе интервью, Василиса отметила, что и у нее, и у ее мужа есть права, которые государство нарушает своими действиями. Но единственное право, на реализации которого она решила настаивать, было связано с ограничением по времени вмешательства государства в их жизнь. «У него [мужа] есть **право знать, на сколько вы его туда забрали.** — объяснила Василиса. — У меня есть **право знать, на сколько вы отняли** у меня близкого человека» (ж., около 31 года, домохозяйка).

Таким образом, требование установить сроки мобилизации призвано не предотвратить возможность государства вмешиваться в жизнь граждан, но ограничить его: подчинить это вмешательство правилам, сделать его результат более предсказуемым, и, самое главное, обратимым. Государство и до начала войны периодически вторгалось в частную жизнь своих

граждан, но эти вторжения были ограничены по времени и предсказуемы по своим последствиям (хороший пример — обязательная военная служба для мужчин). Самое же главное — таких вмешательств можно было избежать: откупиться, спрятаться, договориться — для всего этого существовали уже проверенные и известные способы. Частичная мобилизация оказалась чем-то совершенно новым, потому что шла вразрез с устоявшимися ожиданиями и практиками. Именно поэтому перспектива тюремного срока, которая так пугала многих мужчин в начале, в какой-то момент начала казаться им куда более привлекательной. Ведь по сравнению с мобилизацией даже тюрьма более предсказуема — у заключенных, в отличие от мобилизованных, был точный, установленный законом срок ограничения их свободы:

«Он [муж] пошел туда, потому что боялся. Потому что боялся, как мы тут будем жить, что его посадят в тюрьму. Он мне говорит: “лучше так, чем в тюрьму. Там [на фронте] я где-то буду, может, ну как... не на передовой, а где-то дальше, что-то буду делать, а в тюрьму я не хочу, я там не выживу”. **Мы выбирали из двух зол. Хотя сейчас он мне говорит: “лучше бы я отсидел, уже б вышел”**» (ж., около 30 лет, продащица).

Таким образом, переход к новому, протестному, репертуару действий участниц движения был связан с тем, что их предыдущие попытки вернуть своих близких оказались безуспешными. Однако протест как отчаянная мера был бы невозможен без осознания, что вмешательство государства оказалось бессрочным и необратимым по своим последствиям. Государство вторглось в жизни большинства из них осенью 2022 года, забрав себе их партнеров и мужей. Но только в конце 2023 года участницы движения поняли, что они потеряли близких на неопределенный срок. Таким образом, протест стал казаться им единственным, пусть и иллюзорным, шансом вернуться к нормальной жизни вместе со своим партнером или мужем.

Право семьи и право на семью

В сегодняшней России «права личности» или «гражданские права» не являются общими ценностями для членов общества. Однако права человека могут обрести конкретный смысл и универсальное звучание, если речь идет о правах, связанных с частной жизнью. Для участниц движения «Путь домой» право семьи, как и право *на* семью, на то, чтобы быть с любимым человеком, становятся главными основаниями в борьбе за близких.

Объясняя свое желание вернуть мужей, семейные участницы движения всегда говорили о них в первую очередь как о членах семьи, исполняющих определенные роли и имеющих обязанности (муж, отец), и во-вторую — как о партнерах, от которых они ждут поддержки в трудных ситуациях. Если речь заходила о нарушении прав из-за мобилизации их мужей, то они говорили именно о семье: о невозможности вести нормальную семейную жизнь и полноценно заботиться о детях, которые нуждаются не только в матерях, но и в отцах. В рассказах наших собеседниц мужчины часто описывались как детали отлаженной семейной машины: заберешь мужчину из семьи — и маленькое семейное предприятие пойдет под откос. Это хорошо видно, например, в следующем фрагменте из интервью с Никой:

«Мне прямо важно, чтобы демобилизовали всех призванных мужчин, чтобы наша армия была из военнослужащих, кто добровольно изъявил желание служить, а не так что **вырвали мужчин из семейной жизни** на более чем уже там... более года. Как **бы каждая семья, естественно, нуждается за это время в чем-то, какие-то бытовые моменты, еще что-то**» (ж., 32 года, юрист).

С точки зрения некоторых информанток, обязанности мужчин в отношении государства — например, необходимость защищать его в военное время — не уступают по своей важности их обязанностям перед семьей. Например, эти два типа обязанностей противопоставила друг другу Василиса, рассказывая о своем разговоре с одним из чиновников:

«И я в разговоре с ним по телефону задала вопрос, я говорю: “Ну, когда будет решаться-то все? Ну как бы второй год, мы устали.” Он такой: “А у вас какие-то проблемы?” Я говорю: “Второй год **отца нет, мужа нет**, я одна все на себе тащу как бы, я не железная.” И вообще, у него, **помимо того, что у него есть обязанность** по конституции Российской Федерации **защищать Родину**, у него есть еще и права. **У него есть право и обязанность его, обязанность, воспитывать нашу дочь.** Почему я это делаю одна?» (ж., около 31 года, домохозяйка)

Василиса — одна из наших наиболее провоенно настроенных информанток. Противницы войны, впрочем, тоже много говорили о праве семьи и праве на семью в интервью, но делали это немного иначе. В отличие от более аполитичных участниц движения, которые использовали бытовой язык, рассуждая о правах и обязанностях, политизированные антивоенные информантки старались следовать формальному определению прав.

Если Василиса утверждала, что у *ее* мужа есть обязанности перед *их* семьей, то, например, Регина, которая еще до войны придерживалась оппозиционных взглядов, говорила о правах детей на общение с отцом, правах, которые являются общими для всех:

«Я написала заявление в прокуратуру, что я считаю, что это **нарушает права моих детей на общение с отцом и воспитываться в семье** там, мне прислали ответ, что все по закону. Мобилизовали по закону, потому что детей не четыре... Я писала как бы просто от себя. Никакими... Ну **просто я вспомнила статьи из конституции, из прав человека и ребенка**. Все, что вспомнила, все им написала» (ж., 30 лет, домохозяйка).

Независимо от своих взглядов, многие участницы движения делились тем, как им не хватает своих мужей и партнеров. Однако если права семьи закреплены в законе и являются одной из главных идеологических «скреп» самого государства (по странной иронии, которую не преминули отметить наши информантки, именно 2024 год был назначен «годом семьи»), то желание вернуть любимого человека и необходимость бороться за него — это по-человечески понятный, но более слабый политически аргумент. Его, как мы покажем ниже, участницы движения использовали только для того, чтобы объяснить, почему их жизнь не может продолжаться как прежде после мобилизации их партнеров.

Разочарование в государстве

Важной частью перехода от попыток «достучаться до властей» к радикализации участниц движения «Путь домой» стал пересмотр их отношения к российскому государству.

Для наших собеседниц, вне зависимости от их отношения к войне, опыт личного взаимодействия с государством, против которого они оказались бессильны, был крайне болезненным. Им пришлось ближе познакомиться с ним не только в ходе общения с военкоматами, Министерством обороны, правительством и Путиным, которым они писали письма и обращения, но и в госпиталях и больницах, которые лечили их мужей, а также через местных участковых, которые приходили к ним домой для того, чтобы предостеречь от участия в публичных акциях. Василиса, наиболее провоенно и прогосударственно настроенная участница движения из тех, с кем нам удалось поговорить, так описывала опыт своего взаимодействия с государством в лице социального координатора, который должен помогать всем семьям мобилизованных:

«Я со своим, конечно, столкнулась социальным координатором, и это было просто жуть. Это, наверное, летом... У меня [проблемы со здоровьем, была нужна операция]... Чтобы вы понимали еще, у нас никого нету, то есть у мужа родственников нет, они погибли, у меня только мама и две младшие сестры, но они живут далеко... Я звоню социальному координатору, я говорю: так и так, у меня вот на завтрашнее число госпитализация в больницу... Я говорю, что будем делать, потому что маленький ребенок, четырех лет на руках. То есть куда мне ее девать? На что я услышала просто прекрасную фразу, мне сказали, что у нас очень хорошие приюты. Я могу свою дочь четырех лет, домашняя девочка, часто болеющая, привести в приют. Для меня это просто... это такой разрыв шаблонов был... **Но столкнуться вот с этой “заботой” государства — для меня это было просто как вот прыгнуть без парашюта и удариться.** То есть такая боль, потому что у социального координатора на следующий день хватило ума мне перезвонить и сказать: Ну что, вы готовы? Вы можете приехать и все сами лично посмотреть [приют]» (ж., около 31 года, домохозяйка).

Взаимодействие наших собеседниц с государством в какой-то момент превратилось в открытое противостояние, причем не только со стороны участниц «Пути домой», но и со стороны самого государства. Последнее тоже в каком-то смысле радикализовалось, перейдя от игнорирования действий женщин к публичным угрозам и нападкам на них. Диана рассказывала:

«Просто подумайте: мало того, что женщина находится в непрекращающемся круглосуточном стрессе и страхе за жизнь любимого, так плюсом еще вокруг все живут так, словно ничего не произошло. У всех кипит обычная жизнь, все строят планы, ездят отдыхать полной семьей, у них нет никакой “операции” и многие даже не хотят понимать, как мы себя ощущаем. **Плюс этот постоянный прессинг со стороны властей, которые как бы должны помогать и защищать, но наоборот, обызывают, унижают, устраивают на нас гонения в соцсетях.** Это дополнительный стресс» (ж., 40 лет, психолог).

Многим россиянам удалось сохранить дистанцию по отношению к войне и продолжить жить так, как будто бы ничего не изменилось именно благодаря тому, что российское государство — с помощью медиа и экономической политики — смогло успешно поддерживать нормальность повседневной жизни. Однако «частичная мобилизация» пошатнула этот

баланс для части людей. Как и Мила, многие участницы движения вопрошают: «Почему нам вот реально не дают нормально пожить?» (ж., около 30 лет, домохозяйка).

Вместо того, чтобы «помогать и защищать» (Диана) и обеспечивать условия для «нормальной жизни» (Мила), государство, напротив, лишило наших информанток ощущения стабильности. Неудивительно, что некоторые из участниц «Пути домой», в том числе те, кто оправдывали войну, говорили о собственной политизации — участии в публичных акциях, повышении интереса к политическим новостям, изучении законов — как о вынужденной мере. Василиса, например, рассказала о том, что «была далека от политики», но после мобилизации все изменилось: «Я была гражданином, я была далека от политики. Ну там больше муж что-то следил, смотрел новости, с телевизором разговаривал. А теперь это я в нашем доме» (ж., около 31 года, домохозяйка). А Надежда отмечала, что после объявления мобилизации она «окончательно радикализовалась» (ж., 26 лет, не работает). В начале войны, даже несмотря на свои оппозиционные взгляды, она колебалась между неприятием СВО и представлением, что «не все так однозначно». Но после первого отпуска мужа она поссорилась со всеми родственниками, которые поддерживали Путина.

Объявив фактически бессрочную «частичную мобилизацию», государство разделило людей на «козлов отпущения» (ж., около 31 года, домохозяйка), которые не смогли продолжить жить как прежде, и тех, кому было позволено не замечать войну и ее последствия. В первую группу попали мобилизованные и их семьи (а также, чуть позже, жители приграничных регионов). Во вторую — все те, кого война не затронула напрямую. Утрата нормальной жизни одними людьми, произошедшая на фоне сохранения нормальности для других, сделала это неравенство видимым и ощутимым:

«Я думаю, что у нас общество настолько уже раз... это, ну, как бы разъединилось, что одни живут как живут, у них Новый год, день рождения — все праздники, у них нет войны, как бы они живут своей жизнью. **А нашу стабильность забрали просто.** И мы поэтому начали двигаться. **А когда у человека отнимают вот эту стабильность, он как раз начинает бороться, что-то делать**» (ж., 30 лет, менеджер).

Таким образом, для участниц движения «Путь домой» государство не просто утратило свою роль «гаранта стабильности» и защитника. Вместо того, чтобы охранять покой частной жизни, оно вторглось в нее, принеся обычных людей в жертву своим «большим политическим играм» (ж., около 31 года, домохозяйка).

Как критиковать войну и государство?

Постепенное разочарование участниц движения «Путь домой» в возможности диалога с государством, вместе с усилением давления на движение со стороны самых разных, в том числе государственных акторов, не привело к радикальным изменениям их отношения к войне. Те, кто уже были против войны, укрепились в своем мнении; те, кто колебались, склонились к более отрицательной оценке войны; а те, кто были за, до сих пор считают, что Россия должна победить в этой войне. Однако некоторые изменения в их взгляде на войну все же произошли. Во-первых, многие участницы движения переосмыслили некоторые аспекты «СВО», начав относиться к ним более критически. Во-вторых, некоторые из них заимствовали и в каком-то смысле присвоили элементы традиционной оппозиционной критики режима для того, чтобы критиковать государство.

В нашем последнем аналитическом отчете мы показали, что многие россияне даже спустя два года с начала войны остаются в замешательстве по поводу ее причин и целей, не считают, что они могут как-то повлиять на ее исход, и ждут ее завершения. Участницы движения «Путь домой» превратили эту установку, ставшую здоровым смыслом в том числе и для многих из них, в еще один довод в пользу того, что их мужьям не место в зоне боевых действий. Если эта война не имеет цели, если она — просто результат политических игр, то почему в ней должны участвовать и погибать обычные люди? Позиция «жертвы политических игр», которая для многих служит оправданием для бездействия («если бы я что-то мог сделать, я бы сделал, но я ничего не могу»), для участниц движения «Путь домой» стала, напротив, инструментом для критики политики государства. Именно она помогла им сформулировать аргументы в пользу демобилизации своих родственников и, когда явно, а когда — нет, прекращения войны:

«Никто не понимает вообще, что происходит, и, самое главное, кому все это надо и кто от этого в плюсе-то останется. **Ну уж я думаю, вот именно в этой “СВО”, тут победителей не бу-**

дет, тут обе стороны, они проиграют. И неважно, случится это завтра или случится это через десять лет. Тут просто все все потеряют» (ж., 32 года, юрист).

Независимо от своих взглядов, участницы движения переосмыслили неясность целей «СВО» следующим образом: раз война все равно закончится переговорами (а как иначе?), то ради чего обычные люди должны умирать на фронте? Это стало для них еще одним аргументом в пользу того, что их близким на войне не место.

Радикальным выражением этой установки является полное отчуждение от войны. Его хорошо выразила Вера, разделив проблемы обычных людей и проблемы фронта, которые не должны их касаться:

«Девочки [участницы “Пути домой”] ходили в Министерство обороны, и им там сказали, типа: демобилизация подразумевает обвал фронта. **Ну так это не наши проблемы. Это вообще не наши, это ваши проблемы, это ваш фронт.** Вы на что вот рассчитывали, когда людей из гражданских брали, что они вам его должны дотянуть до конца?» (ж., 34 года, домохозяйка)

Новый негативный опыт взаимодействия с государством усилил сомнения участниц движения в официальной информации, касающейся «СВО». Если государство обмануло их, бессрочно забрав их родственников, мужей и партнеров, может быть, оно обманывает и всех остальных? — рассуждали они. Например, Надежда так объяснила изменение и риторики телеграм-канала движения, и собственного восприятия войны:

«Ну, в общем, это все [вместе привело к изменениям], наверное: эмоции эти, совокупный эффект от того, что ты видишь, от вот этой травли какой-то, от наплевательства со стороны властей, — все это привело к вот этой антивоенной в том числе риторике [в телеграм-канале]. Потому что ты уже начинаешь... **Ну если ты раньше думал такой: ну власть норм, она тебя не трогает, и ладно. Живешь себе свою жизнь.** А тут как бы они тебе предла... ну как бы такие: давай ты нам поможешь. Забрали и потом просто начинают тебя ногами пинать и еще носом тыкать. И, естественно, **ты уже начинаешь в любом ее действии сомневаться. И думаешь: вот тут они меня так обманули, а, наверное, они и на Украине не такие святые**» (ж., 26 лет, не работает).

Мобилизация мужей и близких заставила тех участниц движения, которые до этого не интересовались политикой и не следили за новостями, вынужденно погрузиться в политический мир. Они начали читать либерально-оппозиционные телеграм-каналы или смотреть оппозиционный Youtube. С одной стороны, только там можно было найти информацию о том, что происходит в зоне военных действий. С другой стороны, они почувствовали, что этот новый для них взгляд на происходящее лучше отражал их собственное недовольство государством. Например, Василиса так описала свое медиа-потребление после объявления «частичной мобилизации» (до которой она вообще не интересовалась новостями) и то, почему она не перестала доверять российской пропаганде:

«То есть, мой день начинается с новостей с телевизионных, то, что я смотрю, то, что тут передают с голубых экранов. Потом это телеграм-каналы, плюс я ещё смотрю новости с украинской стороны. Вот тут как бы не знаю, правильно, нет, но я всегда рассматриваю несколько... с нескольких сторон, **потому что где-то наши могут отчитаться, что у нас там все хорошо, мы там подбили, а с той стороны совсем по-другому идет, и наоборот...** Наши новости там “РИА 24”. Потом на каких-то пару военкоров была подписана. Потом в дальнейшем от них отписалась, потому что мы так понимаем, и на них идет тоже большое давление... Потому что вот **я смотрю, ну, смотрела, Соловьева — господи, ну я прям не могу. То есть ну вот тут прям такая пропаганда идет, такое вот прямо, как я называю, блевотина, вот просто без стыда не посмотреть. У нас там все хорошо, у нас там все есть, и РЭБы и тому подобное. А ты такая сидишь думаешь: блять, где?»** (ж., около 31 года, домохозяйка)

По словам Василисы, объявление о начале «спецоперации» в 2022 году не вызвало глубокого потрясения, поскольку она доверяла официальным СМИ. На протяжении всей беседы с нами она постоянно возвращалась к официальному патриотическому взгляду на происходящее и подчеркивала, что была и остается патриоткой своей страны. Однако, говоря о своем участии в движении, она критиковала государство, заимствуя элементы оппозиционного языка с его словарем прав, свободных выборов и доказательств фактами. Например, она, как и многие участницы движения, перед президентскими выборами 2024 года поддержала кандидатуру Бориса Надеждина, который выступил с требованием вернуть мобилизованных с фронта. Надеждин не был допущен до выборов, а одним из обвинений в его адрес со стороны провластных СМИ было то, что он — «навальнист». Вот как на это отреагировала Василиса:

«Докажите, что это навалынисты. Докажите... Ну не совсем там все плохо у него с избирательной кампанией, что он начал встречаться с участницами “Путь домой”. Да? Ну, то есть, вы хотите сказать, что Надеждин у нас тоже там, как и Навальный, его ждет та же судьба тогда? **То есть вот ваши честные выборы, о которых нам всем говорят?».**

Затем Василиса рассказала, что готова участвовать в любых митингах против мобилизации и жалеет, что не знала о том, что когда-то такие митинги проводились в Москве и Петербурге. Она возлагала ответственность на свою неосведомленность именно на государство, всячески препятствующее распространению информации и репрессирующее независимые медиа и журналистов, которые «говорят правду»:

«Я не знала об этом, [что] оказывается, когда была объявлена частичная мобилизация, в Москве и в Питере проходили митинги против. Почему мы этого не знали? Почему? **Ну нам об этом не говорили. А сейчас вот, смотря YouTube, я понимаю, почему мое государство хочет его запретить. Потому что там слишком много правды говорят.** Там потому что независимая ну журналистика, независимые эксперты сидят. **И они говорят не только, как удобно нашей власти, да, создавать какой-то образ. Они говорят правду.** Ну то есть чистые факты, голые цифры, вот, пожалуйста, типа что мы имеем».

Несмотря на обращение к этим типичным элементам либерального языка, Василиса подчеркивала, что она не хочет «быть врагом» государства и полностью поддерживает Путина. Именно за него она собиралась голодовать на предстоящих выборах, потому что «он заварил эту кашу, только ему сейчас это и расхлебывать» (ж., около 31 года, домохозяйка). Затем она добавила:

«Мы победим, и в этом никаких сомнений лично у меня как у русского человека, как у патриота своей страны просто нету. **Мы победим. Просто какой ценой? В моем населенном пункте мы похоронили уже четырех... Я не готова жертвовать отцом своего ребенка, своим любимым человеком ради войны.** Потому что она все равно... **Самое обидное вот для меня, она все равно кончится за столом переговоров. Мы победим. Мы победим. Мы заберем эти области, возможно, даже больше. Но все закончится подписанием договоров.** Ну подписанием того, что будет там означать нашу там безопасность, безопасность Украины».

История Василисы является наиболее яркой иллюстрацией изменений, которые пережили оправдывающие войну участницы движения в результате столкновения с государственной машиной, которая забрала их близких: они не перестали быть лояльными политическому режиму, но стали меньше доверять государственным институтам и представителям власти; они не переосмыслили своего отношения к войне, но осознали, что не готовы жертвовать ради нее своим благополучием. И для того, чтобы выразить свое недовольство, они вынуждены были заимствовать либерально-оппозиционный язык, потому что он был единственной альтернативой языку государственной пропаганды. Впрочем, они продолжили использовать и последний, чтобы говорить о любви к стране и поддержке режима.

2.4 Между двух миров

В наших предыдущих исследованиях мы показали, что многие россияне стремятся разными способами нормализовать войну и продолжать жить так, будто ничего особенного не происходит. Им это удается в том числе потому, что война затрагивает их косвенно: через новости, которые можно не смотреть, или рост цен, который сделал их карманы легче, но не опустошил окончательно. Участницы движения «Путь домой», как и другие родственники и члены семей военнослужащих, а также жители приграничных регионов, оказались в ситуации, где избегание войны стало невозможным. Те, с кем нам удалось поговорить, не смогли и, возможно, не захотели не замечать войну. После того, как их мужья или родственники уехали, женщины обнаружили, что им приходится существовать в двух параллельных мирах одновременно — мире войны и мире гражданской жизни. Первый был расположен далеко от них, но проникал в их повседневность; а второй, близкий и привычный, разрушался на их глазах.

«Я живу в каком-то другом мире, чем раньше»

Мир войны проникал в жизнь участниц движения разными путями. Во-первых, неопределенность будущего и ужас войны становились частью их повседневного мира. Дело не только в том, что участницы движения постоянно беспокоились за своих партнеров, родственников и мужей, оказавшихся в экстремальных условиях боевых действий, но и в том, что судьба последних могла быть неизвестна им на протяжении долгого времени. Рассказывая о моментах, когда им не удавалось связаться с любимым человеком, участницы движения часто описывали глубокую тревогу. Одна из наших информанток, Регина, делилась своими пережи-

ваниями: «Я даже не знаю сейчас, что с ним. Просто каждый раз... ну то есть я живу в постоянном напряжении» (ж., 30 лет, домохозяйка). Другая наша собеседница, Василиса, отмечала страх перед неопределенностью и рисками участия своего мужа в боевых действиях: «Первый раз он у меня уехал и пропал вот на восемнадцать дней. Как это называл потом: “мы на первую дискотеку заехали”. Страх, конечно, был неопиcуемый» (ж., около 31 года, домохозяйка).

Несмотря на перерывы в общении с мужьями во время боевых заданий, участницы движения старались поддерживать с ними связь, например, разговаривая по аудио или видеосвязи. Однако это не приносило им радости и облегчения. Порой наши информантки описывали рассказы мужей и партнеров о проблемах на фронте — нехватке снабжения, коррупции и произволе командования — и делились своими переживаниями по поводу тяжелого морального состояния последних, словно переживая войну вместе с ними. «Я даже начала в оружии разбираться», — призналась Полина (ж., 30 лет, менеджер). Вот как она описала свои эмоции от разговора с мужем по видеосвязи после очередного боевого задания:

«Позвонил, и я просто офигела от того, как он выглядит. У него были ужасно стеклянные глаза, как будто он... ну вообще не он был как будто бы. Как бы не знаю, такие глаза я никогда в жизни не видела. Я даже не знаю, как описать. Я еле... ну поговорила с ним и очень сильно расплакалась, потому что это ужасно»

Другая информантка, Василиса, активная участница движения, «выла белугой» после того, как ее муж рассказал, что гуманитарную помощь, полагающуюся их взводу, выставили на продажу:

«У меня муж звонит такой, говорит: “Блин, прикинь, сейчас Вовка приезжал в новом костюме, в теплом таком, хорошем”. Я говорю: “И?” Я говорю: “Так глава региона же отправил вам”. Я говорю: “Да, вам должны доставить новые костюмы. У нас уже отчитались об этом”. Он такой говорит: “Ну я тоже у Вовки спросил, ну че? На что он такой: “Да, пришла гумка, но хочешь — можешь купить”. И мне это муж звонит такой, говорит: “Вот да, я узнал, что командир обеспечения, ну вот кто там самый главный в этой хренотени, распродает ее, блядь”. Я как сейчас... я в ванне выла, выла белугой. У меня заскочила дочь, она такая: “Мамочка, ты, наверное, ударилась?” А у меня вот такая истерика была» (ж., около 31 года, домохозяйка).

Из-за постоянного беспокойства о близких участницы движения начали пристально следить за новостями. Например, Руслана упомянула, что постоянно занималась «дум-скроллингом»: «Сейчас, последнее время, только этим и занимаюсь с утра до ночи. Утром открываешь — читаешь новости, вечером тем же заканчивается — открываешь, читаешь новости» (ж., 43 года). Аналогичным образом для Василисы, которая до мобилизации вообще не следила за политическими новостями, их ежедневный просмотр стал неотъемлемой частью повседневной рутины: «Мы до сих пор так живем. Просыпаемся, и дочь говорит: “Мамочка, я включу тебе твои новости”. То есть мой день начинается с новостей с телевизионных экранов» (ж., около 31 года, домохозяйка).

Когда — и если — мужьям и партнерам участниц движения удавалось приехать в отпуск, они привозили войну с собой. Наши информантки часто упоминали изменения в поведении своих близких и симптомы посттравматического расстройства (ПТСР). Даже находясь дома, в безопасности, их мужья продолжали пребывать в состоянии боевой готовности. Василиса рассказала:

«Конечно, вот он был в отпуске у меня, и он, конечно, изменился. По нему это было заметно, когда ты с ним выходишь у подъезда, а он из-под козырька не выходит и осматривает небо. И ты такая стоишь как бы: “любимый, пойдём”. — “Ага”. А глаза бегают, а глаза бегают, и они вот осматривают все это. Это после восьми месяцев нахождения там он первый раз приехал в отпуск. А он вот глазами бегаёт и смотрит. И ты ну тоже с юмором такая: “Да ладно, тут ВСУшников нет, пошли типа, все хорошо».

Участницы движения со временем не только начинали разбираться в тонкостях военного дела и следить за новостями, но и поменяли свое отношение к ведению войны и к российской армии. Они стали жаловаться на самые разные аспекты армейской службы, затрагивающие жизни их мужей — и, следовательно, их самих: от коррупции до недостаточного обеспечения, плохих условий и некомпетентности командования:

«Воюют каким-то старьем, артиллерии нет на многих направлениях. Вот эти вот штурма непонятные — это в смысле: на тебе ружье сорок третьего года выпуска, иди, а по ним эти хохлы с артиллерии херачат. И какой исход будет? Конечно, там ложат пацанов ни за что. Вот как-то так вот, все очень грустно» (ж., 43 года).

Таким образом, в то время как для многих россиян война оставалась чем-то далеким и поэтому поддающимся нормализации и опривычиванию, участницы движения «Путь домой» столкнулись с ней лицом к лицу, потому что она вторглась в их повседневность. Однако война превратилась не только в источник их боли и непрекращающегося напряжения, но и в ту силу, которая радикально перестроила жизнь этих женщин, изменив ее структуру и ритм.

«У каждого своя семья»

Хотя участницы движения продолжили жить мирной жизнью, полной повседневных забот о детях, быте и самих себе, война произвела разрушительное действие на их повседневность. «Жизнь как будто поставлена на паузу, — описывает свое состояние Полина. — Есть только отдельные моменты, когда кажется, что ты живешь, а между ними — это просто имитация жизни» (ж., 30 лет, менеджер).

Для большинства наших информанток их партнер был источником не только финансовой, но и эмоциональной и социальной стабильности. Среди участниц движения, с которыми нам удалось поговорить, шестеро воспитывали маленьких детей вместе со своими мужьями до того, как последние оказались на фронте. Эти женщины рассказывали, что обязанности по заботе о детях и поддержанию быта всегда ложились на плечи обоих партнеров, с минимальным вовлечением других родственников. Роль мужа не ограничивалась финансовой поддержкой семьи: даже если обязанности супругов распределялись по традиционной модели, — муж зарабатывает, жена занимается домом, — мужья участвовали в воспитании детей и выполняли какую-то часть домашней работы. Например, Регине, которая благодаря участию мужа в воспитании их двух детей могла работать, пришлось уволиться после того, как он был мобилизован. Как только мужей изымали из семьи, бытовые обязанности, воспитание детей и все дела, для которых раньше «был муж», как выразилась Василиса, легли на плечи жен. Государство с его слабой социальной инфраструктурой не смогло компенсировать отсутствие мужей и партнеров, а просить помощи в решении своих «семейных проблем» у других не принято:

«У каждого своя семья. И на проблемы другого, по большому счету, всем плевать. Я это поняла, еще когда вот мужа забрали в октябре. В ноябре дочке, получается, вот как раз четыре года должно было исполниться, она заболела ветрянкой. То есть у дочери температура, у нее этот инкубационный период, что нам нельзя выходить, а чтоб вы понимали, дома элементар-

но кончился хлеб, ну и скопился мусор. И одну я ее оставить не могу, одну дома, потому что это мой страх, это моя ответственность. Мало ли что случится, а меня нету рядом. Взять с собой я тоже не могу, она температурит, ее даже в магазин с собой завести нельзя, потому что в случае, если там другие люди не болели, высока вероятность, что она кого-то заразит. И вот это вот пипец. Когда ты звонишь подруге и окольными путями такая: привет, что делаешь, какие планы на сегодня? Она такая: ой блин, на работу, а потом надо вот туда-то, туда-то, и вообще вот в гости едем. **И тебе даже стыдно заикнуться, что тебе нужна помощь. Тебе стыдно, злость берет, потому что, вашу мать, у меня был муж, у меня для этого был муж.** Я могла после ночной его разбудить и сказать: мне надо, там сбегай в аптеку, сходи туда-то. **То есть у меня был близкий человек, на которого я могла положиться. И я ведь не могу постоянно дергать кого-то: помогите мне, еще что-то»** (ж., около 31 года, домохозяйка).

Ситуация Василисы не была уникальной. Например, Снежана, тоже оставшаяся одна с маленьким ребенком после мобилизации мужа, поделилась тем, как ее жизнь изменилась, превратившись в череду испытаний: «Я внезапно стала матерью-одиночкой, хотя, блин, планировала свою жизнь вообще не так... То есть это сейчас такая большая нагрузка, что я ее одна не выдержу... Конечно, это все перевернуло жизнь вверх дном» (ж., около 30 лет, продавщица). Более того, мобилизация мужа и связанные с ней последствия изменили ее отношение к будущему и планированию семьи:

«...Когда такое [мобилизация] случилось, то я понимаю, что сто процентов я больше детей не хочу. Я даже если бы знала, что... **с такой опаской мы его планировали, ребенка, что я, блин, уверена процентов на восемьдесят, что, если б мне сказали “будет война и твоего мужа мобилизуют”, мы бы его не родили.** Я бы тут сама жила. Ну, потому что, блин, это страшно все» (ж., около 30 лет, продавщица).

Надежда призналась, что ей пришлось прервать беременность, потому что она осознала, что если что-то случится, то ей не на кого будет положиться: «**Мы поняли, что в таких обстоятельствах как бы ни я, ни он не хотим детей...** И если вдруг там чего-то с ним случится, типа **это вообще не входило в мои планы — быть матерью-одиночкой»** (ж., 26 лет, не работает).

Исчезновение мужа или партнера перевернуло жизнь не только женщин с детьми. Те, кто встретили своих партнеров незадолго или даже после начала «частичной мобилизации» и не завели детей, тоже страдали от тоски и отсутствия рядом близкого человека. Например, Марианна, которая познакомилась с будущим мужем, когда тот уже был мобилизован, и вышла за него замуж во время его отпуска, рассказала, что тоска по любимому человеку — главная причина, по которой она стала активно участвовать в движении: «...Без этого человека мне безумно одиноко. Я просто понимаю, что это мой родной человек, без которого я просто не могу, и очень хочется, чтобы он был дома» (ж., около 20 лет, студентка). Отсутствие мужа повлияло и на ее повседневную жизнь:

«Теперь в большинстве случаев [когда] я выхожу на работу, я стараюсь делать вид, что все хорошо, улыбаться, смеяться, но стоит оказаться один на один со своими мыслями, и это очень тяжело и сложно... Очень хочется, чтобы любимый человек был рядом и навсегда, а не так вот приехать на четырнадцать дней и уехать» (ж., около 20 лет, студентка).

София, мать мобилизованного, хотя и не страдает от потери партнера, все равно сильно переживает за своего сына, что негативно сказывается на ее повседневной жизни:

«Я смотрю, что я тоже стала очень агрессивной. Я тут уже и на транквилизаторах и на всем на свете, рука затряслась и чего-то там это самое. И вообще я на людей стала бросаться. А работа и подчиненные — они не виноваты в том, что у нас идет война. А я понимаю, что она [ее подчиненная] накосячила. Ну, накосячила, ну, чего теперь, ну, вышел брак, ну что? Убивать ее за это? А я хочу убить. И поэтому я пью Фенибут» (ж., около 50 лет, руководитель на заводе).

Наконец, попытки как-то повлиять на судьбу своих близких и участие в движении также вносит значительные изменения в жизнь наших информанток. Независимо от того, есть ли у них дети или нет, они вынуждены тратить много времени и сил на составление писем, обращений, петиций, встречи с депутатами, участие в акциях. Для некоторых эти временные и эмоциональные затраты оказываются несовместимы с другими обязательствами. Например, несколько участниц движения подчеркнули, что вынуждены были (или будут) оставить работу из-за нехватки времени. Так, Ксения «не смогла совмещать это все [активизм] со своей работой» (ж., 24 года, не работает). А Мила собиралась уволиться, если к концу декрета ее муж не вернется:

«Если к моему выходу из декрета муж не вернется, ну значит, мы будем выбирать мужа, а не какую-то эту идиотскую работу, потому что выбор очевиден. **Потому что я не смогу тогда ничего делать, а ждать и сидеть на попе ровно — оно как бы тоже не вариант**» (ж., около 30 лет, домохозяйка).

Таким образом, изъятие из жизни участниц движения их мужей, партнеров и родственников в результате «частичной мобилизации» существенно изменило их жизнь, как в эмоциональном плане, так и в плане трудностей, с которыми им пришлось столкнуться. Их новая жизнь значительно отличалась от той, что они вели раньше, и уже не казалась им нормальной.

Эмоции и радикализация

Негативные эмоции участниц движения стали важным фактором постепенной радикализации наших собеседниц. По мере осознания того, что их партнеры, мужья и родственники не вернуться домой в ближайшее время, роста тревоги, усталости и отчаяния, эмоции будущих участниц движения становились все более негативными и направленными в определенную сторону. В отличие от эмоций других близких военнослужащих, о которых мы рассказали в первой части этого отчета, негативные эмоции участниц движения «Путь домой» были адресованы конкретным людям, с которыми им приходилось сталкиваться в попытках вернуть своих партнеров и родственников. Большинство таких столкновений оказались бессмысленными, унижительными и разочаровывающими. Например, Василиса так описывает свои эмоции во время и после встречи с губернатором области, к которому она обратилась за помощью — и который отказался ей помочь, еще и упрекнув в том, что она «плохая жена»:

«Это такая боль была. То есть я приехала с просьбой о помощи, а меня, как котенка, просто потыкали: то, что нехорошо так делать, нехорошо, вот все жены сидят, и ты должна сидеть, вот ну так и должно быть» (ж., около 31 года, домохозяйка).

Ее разочарование и злость выражены еще ярче в описании ее взаимодействия с местными чиновниками:

«Я задавала вопросы здесь у нас на местных форумах, где наши власти местные, там, чиновники отчитываются: поздравляю с наступающим годом, президент России утвердил следующий год Годом Семьи. И я прямо писала в комментариях: “Какой

ля-ля-ля Год Семьи, второй год мужа нет, когда это кончится? Там 647-й [указ Президента об объявлении частичной мобилизации], на сколько вы забрали?» ... Они мои комментарии удаляют, я тут же их заново пишу. Ха-ха, я еще заскринила. Что вы за люди такие? Что за отношение к семьям?».

Иными словами, недовольство участниц движения было направлено на конкретных людей: на местных чиновников, у которых есть имена и должности; на государственных представителей вроде главы комитета Госдумы по обороне Андрея Картаполова, ранее занимавшего должность замминистра обороны (и даже иногда на самого президента Путина, хотя и более сдержанно и осторожно). Именно к ним наши информантки обращались за помощью, с некоторыми из них они взаимодействовали напрямую, и именно от них они ждали конкретных действий. Иными словами, чиновники сначала стали объектами упования и надежды, а затем — разочарования и злости. Например, Надежда так рассказывала о своем участии в рабочей группе, где женщины «пытались с некоторыми депутатами», которые их поддерживали, «организовать встречу с представителями Минобороны»:

«Мы ее организовали в итоге. В итоге никакие наши идеи они не поддержали. Ну и, короче, как-то это все загнулось, потому что вот этот глава комитета по обороне Картаполов не хочет работать. И я не знаю вообще, почему он занимает свое кресло» (ж., 26 лет, не работает).

Говоря о требованиях движения, Вера объяснила, что участницы хотели, чтобы их мужей демобилизовали и установили сроки службы, и добавила: «И убрали с должности этого Картаполова с Гурулевым [член Думского комитета по обороне], господи прости» (ж., 34 года, домохозяйка). Она же упомянула, как однажды пришла на почту, чтобы «написать жалобу на Путина». Так государство из некоторой абстрактной силы, на которую можно сетовать, но от которой нечего ждать, превратилось в глазах этих женщин в институт, управляемый людьми, — хорошими или плохими, компетентными или нет — против которых можно и нужно бороться.

Эмоции могут очень по-разному влиять на возможность коллективного действия. Иногда коллективное действие становится единственной доступной возможностью для выражения эмоций — как это было с первыми антивоенными митингами. Иногда же эмоции могут подавлять людей — и тогда коллективное действие становится невозможным. В случае участниц движения «Путь домой» отчаяние, с которым они столкнулись

примерно через год после объявления «частичной мобилизации», истощенные и разочарованные своими бесплодными попытками добиться чего-то от чиновников, измотанные одиночеством и тяготами бесконечного ожидания, стало импульсом для дальнейшей радикализации. Ощущение безысходности и невыносимость повседневной жизни, а также понимание, что на кону — жизнь близких, подтолкнуло их к поиску новых способов действия, а общение с другими участниками движения, о котором мы подробнее расскажем в следующем разделе, дало им надежду.

2.5 Формирование групповой идентичности

Объявление «частичной» мобилизации осенью 2022 года было закономерным продолжением «специальной военной операции»: если Россия не ведет войну, то и настоящая, всеобщая мобилизация ей не нужна. В этой ситуации «частичная» мобилизация позволила не только сохранить иллюзию невоины для большинства людей, но и локализовать ее последствия, создав видимость нормальности. Только часть общества оказалась затронута мобилизацией, что позволило всем остальным продолжать жить так, как будто бы ничего не происходит.

Однако этот на первый взгляд эффективный стратегический ход российской власти не был лишен недостатков. Отсутствие информации в СМИ о судьбе мобилизованных, их будущем, нежелание государственных представителей отвечать на запросы их близких стали неотъемлемым компонентом «частичности» этой меры. Они не только изолировали российское большинство от войны, но и внесли вклад в радикализацию тех, кто оказался ей затронут. Вместо поддержки общества и государства, которое, как оказалось, только на словах беспокоится о своих героях, члены семей мобилизованных столкнулись с непониманием, социальной изоляцией, а затем публичным запугиванием и оскорблениями. Это, в свою очередь, позволило участникам движения «Путь домой» сформировать собственную групповую идентичность, основанную на противопоставлении себя общественному «большинству», лояльным государству родственникам мобилизованных, и даже самому государству.

«Нас просто вычеркнули из общества»

«Частичный» характер мобилизации, замалчивание ее неограниченности во времени, вытеснение войны из публичных обсуждений — все это привело к тому, что лишь небольшая часть российского общества вынуждена была соприкоснуться с реальностью войны. В результате участницы движения «Путь домой» оказались отделены от большинства: тех, на кого частичная мобилизация не повлияла и кто не мог понять переживаний этих женщин.

Все участницы движения, с которыми мы поговорили, рассказывали нам о том, как им приходилось сталкиваться с неосведомленностью окружающих о бессрочном характере мобилизации. «А некоторые говорят: “Ну что там Лешка?”. А я говорю: “Так он еще там”. Они удивляются: “А че он?”. Вот они думают, что у них, как у заключенных, полгода он там побыл, и все. Я им говорю: “Их не возвращают”», — делится Снежана (И 23). А Полина назвала вопросы такого рода, наряду с вопросами про выплаты мобилизованным, самыми «дурацкими» из тех, которые задают женам: «А как это у них срока нет?» То есть, люди не понимают, что у них даже... что они там... нет у них срока. А у людей в головах почему-то есть, что они там какое-то ограниченное время» (ж., 30 лет, менеджер). Эти вопросы неизменно ранили участниц движения, как и в целом отсутствие у тех, кто не столкнулся с войной, понимания их ситуации и переживаний. Например, София рассказывала, что «дурочка одна» спросила у ее мужа, когда он приезжал в отпуск, «как это — убить человека?». Он ответил, что, «к счастью, не знает». «Люди не понимают здесь», — заключила она (ж., около 50 лет, руководитель на заводе). «Тем, кто не варится в этом, сложно понять, что мы чувствуем», — вторила Софии Диана. Некоторые участницы движения объясняли необходимость публичных акций тем, что важно «показать обществу», что они существуют: «что мы страдаем каждый день, что мы не празднуем Новый год, мы не отмечаем дни рождения вместе со своей семьей» (ж., 30 лет, менеджер).

Отсутствие понимания ситуации, в которой находятся семьи мобилизованных, со стороны окружающих часто переживалось участницами движения как попытка отмахнуться от их проблем, переложив на них ответственность за то, что с ними произошло:

«И очень жаль понимать, что **в обществе всех мобилизованных гребут под одну гребенку. Людям удобно считать, что они все сами решили пойти, [что] все они люди не очень хорошие, ради денег туда пошли** и т.д. Еще распространенное мнение, что кто захотел, тот уже давно дома. **Никто не**

хочет слышать о наших проблемах, о том, что все допускают ошибки. Мало кто проявляет человечность. И это очень грустно. Есть ощущение, что, действительно, у всех жизнь идет своим чередом, а у нас ее кто-то взял и забрал. Очень хочется верить в то, что еще не все потеряно, и хоть какая-то справедливость восторжествует, ребят вернут и хотя бы часть из них сможет вернуть себе свои отобранные жизни» (ж., 24 года, не работает).

Наконец, часто, несмотря на официальную риторику государства, которое говорит об участии в войне как о долге перед Родиной и проявлении героизма, ни члены семей мобилизованных, ни сами мобилизованные не ощущали, что обществу и государству было дело до них и до их жертв. Например, Василиса рассказывает, как ее муж, вернувшись в отпуск, обнаружил, что людям нет дела до его геройства и до войны в целом:

«У меня он [муж] пришел на эти тридцать дней [в отпуск]. И прошло, знаете, наверное, буквально дней пять, его ребята, друзья, позвали в город отдохнуть, в ресторане посидеть. Он мне перезванивает такой: “Ты рюкзак мой не трогала?” Я говорю: “Нет, не трогала.” — “Я сейчас приезжаю, все, я поехал обратно, я здесь не могу”. Я говорю: “Что случилось?” Как бы ты пошел с друзьями, я тебя отпустила вот первый раз, ненадолго. У меня паника, естественно. У меня паника, непонятки, что такое произошло. Оказывается, отдыхали с друзьями, ребята решили поставить ему какую-то патриотическую песню... И в ресторане им отказали с формулировкой, что эта музыка нам не подходит. Ну типа у нас вон тут свадьба за ширмочкой отмечается, тут как бы живая музыка, люди пришли потанцевать. А мой мне звонит, он такой говорит: **“Ты не поверишь, тут люди ходят в платьях стоимостью как моя броня, броня, которая спасет мне жизнь”**. И говорит: **“Я за кого воевал?”** Почему, говорит, меня выдернули там, я приехал вот такой, а здесь у мира все хорошо. Он живет так же не спеша, то есть рестораны, бары, те же какие-то там бытовые проблемы. **Наш мир только перевернулся. А там все хорошо»** (ж., около 31 года, домохозяйка)

«Частичность» мобилизации, таким образом, не только создала ситуацию, в которой бремя войны легло на плечи небольшой части общества, но и заставила тех, кем пожертвовали ради нормальности для большинства, переживать несправедливость этой ситуации. Как отметила Василиса, комментируя свои повседневные разговоры с людьми, не затронутыми мобилизацией: «Ты понимаешь, что 647-й [указ Президента об объяв-

нии частичной мобилизации], он только в твоей голове, он только твою жизнь перечеркнул» (ж., около 31 года, домохозяйка). «Это нечестно, что одни должны вот на это жизнь ложить свою, — сказала Вера. — Потому что у меня вот ни планов нет, я живу одним днем, от звонка до звонка. Почему вот я так должна жить, а другие там какие-то планы строят?» (ж., 34 года, домохозяйка). Более того, «частичность» мобилизации и попытка сохранить нормальность для большинства не позволила государству перевести общество на военные рельсы. В отсутствие повседневного, а не посмертного, признания, разговоры о героизме и долге казались фальшивкой как мобилизованным, так и членам их семей.

Таким образом, «частичность» мобилизации (и самой войны) способствовала тому, что участницы движения начали переживать ее последствия не просто как личную драму, но как результат социальной несправедливости. Поэтому высказывания участниц движения вроде «почему мы страдаем, а другие живут так, как будто бы войны нет», как и требования заменить мобилизованных, за которые их активно критиковали в либеральных и оппозиционных медиа, являются политическими, а не личными, направленными против государства, а не на его поддержку.

«Мы для всех козлы отпущения»

Лишенные поддержки равнодушного большинства, участницы движения также столкнулись с осуждением как со стороны патриотически настроенных медиа и граждан, так и со стороны либеральной оппозиции.

Сразу после того, как активистки «Пути домой» впервые выступили публично осенью 2023 года, присоединившись к митингу КПРФ, на них обрушился шквал критики со стороны как искренних сторонников войны, так и государственных пропагандистов. Участницам движения, которые требовали ясности от государства, государственные СМИ противопоставили образ «правильной жены», «которая ждет, которая собирает гуманитарку, молится, верит, поет песни, пишет стихи... воспитывает детей. Она там: милый, довой» (ж., около 31 года, домохозяйка). В то же время на участниц движения посыпались обвинения в аморальном поведении, непатриотизме, а также политической несамостоятельности. «Больше всего обидно, — говорит Полина, — что нас пытаются самих дискредитировать тем, что мы какие-то там ЦИПСО [Центр информационно-психологических операций Украины]... Ну, то есть, говорить, что мы не настоящие, что нас нету, что мы типа “нарабочки” какие-то» (ж., 30 лет, менеджер). Эти нападки вынудили участниц движения еще четче определить собственную идентичность через противопоставление себя

тем, кто просто ждет или смирился, с одной стороны, и государству с его ожиданиями в отношении родственников мобилизованных — с другой. При этом попытки государства дискредитировать движение и его участниц произвели и мобилизующий эффект. Например, Полина рассказала, что после долгого пребывания ее мужа на фронте и ее усилий добиться хоть какой-то реакции от чиновников, именно атаки официальных лиц и вызванное ими негодование подтолкнули ее к тому, чтобы начать участвовать в публичных акциях: «Вот это все в массе своей дало мне очень много сил и эмоций, чтобы, ну как бы, выйти и начать что-то делать физическим телом своим». А Надежда отметила, что открытая травля участниц движения наравне с другими факторами способствовала усилению антивоенной и критической риторики в телеграм-канале движения:

«Ну, в общем, все вот такие истории — это, наверное, как бы побудило, в том числе и админов [телеграм-канала], понять, что **ну это реально какие-то фашистские просто методы** [против участниц движения используют]. **В том числе вот эта пропаганда против них. Ну против нас всех...** Это тоже очень такой... ну, в общем, это все, наверное: эмоции эти, совокупный эффект от того, что ты видишь, от вот этой травли какой-то, от наплевательства со стороны властей — все это привело к вот этой антивоенной, в том числе, риторике» (ж., 26 лет, не работает).

Участницы движения не нашли понимания также среди либеральной общественности, осуждающей их и за то, что их мужья были мобилизованы, и за недостаточную радикальность. Снежана рассказала:

«Долго я была на “Популярную политику” подписана. Но, блин, мне... Ну как бы я через раз туда захожу, даже, бывает, просто читаю заголовки, потому что там часто пишут, что вот, вы, мобилизованные, виноваты. А я понимаю, что... ну а как по-другому мы могли поступить? ...Но не мы же это затеяли, чтобы это все разгребать. А там вот именно вот таких вот, в обвиняющем ключе, что вы виноваты, а если б вы не пошли. И тут еще другой вопрос: “вы не пошли” — нас что, Иуд, так сказать, пять человек, десять? Там за сотни... **Если пошло так много, значит у многих была такая ситуация. А тут мы виноваты.** Ну в общем, вот так» (ж., около 30 лет, продавщица).

«Я очень уже устала, — резюмирует Надежда. — Получается, мы такая как бы группа, на которую давят со всех сторон. То есть и либеральное сообщество нас осуждает, и патриотическое. И для всех мы такие козлы отпущения» (ж., 26 лет, не работает).

Отношения с близкими

Переживание «ненормальности» своего положения часто изолирует участниц движения не только от общества в целом, но и от их непосредственного окружения. Стремясь избежать ранящих вопросов и комментариев, а также минимизировать конфликты с теми, кто не разделяет их активную позицию, некоторые участницы движения начинают избегать общения с другими людьми. Например, Мила потеряла связь почти со всеми, кроме родителей и нескольких друзей, «потому что очень сложно общаться с людьми, которые вообще не понимают, что происходит» (ж., около 30 лет, домохозяйка). «С другими людьми общаться тяжеловато, — объяснила Ксения, — потому что они живут нормальной жизнью, а у нас ее забрали. Это расстраивает. Но стараюсь себя заставлять не терять связь с внешним миром», — добавила она (ж., 24 года, не работает).

В зависимости от политических предпочтений и взглядов своих друзей и родственников участницы движения или находили у них поддержку и понимание, или сталкивались с неприятием и критикой. Поддержка варьировалась от простого одобрения их действий до небольшой помощи — тогда, когда последняя не была связана с политическими рисками. Например, мать Снежаны подписывала запросы и петиции, как и родители ее мужа. «А вот если какому-то депутату писать письмо или еще что-то такое посерьезней, то они уже мне говорят: это ерунда, и что ты лезешь, ты ему хуже сделаешь», — поделилась Снежанна (ж., около 30 лет, продавщица). Поэтому она вообще не рассказывала им о своем активизме:

«Я им такие вот вещи не говорю, что, знаете, я где-то пошла поклеила листовки — я им этого никогда не скажу, потому что я знаю, что они начнут меня запугивать, а мне и так страшно. Зачем мне это? Я как бы ну где-то сильно фильтрую» (ж., около 30 лет, продавщица).

Другой пример утраты старых социальных связей — это история Веры, которая после мобилизации мужа потеряла всех своих подруг, потому что они перестали понимать друг друга:

«Вера: У меня как мужа забрали, еще какое-то время у меня подруги были, три штуки. В общем, подруг у меня не стало...
Потому что мы в разных лодках плывем. То есть я ни с кем, у меня больше друзей не осталось.

Интервьюер: Потому что им трудно вас понять, ваши проблемы и состояние? Или почему?

Вера: Ну, они же со своими мужиками сидят, и там просто вот: я там со своим Петей то, я там со своим Колей то. И как бы: ой, да про войну про вашу уже все забыли. Ну и короче, это очень неприятно вещи вот эти слушать. Вот тоже когда расписки особенно... На этой ноте вот в июле я и попрощалась [с подругами]. Когда стали расписки собирать, все дружно морознулись.

Интервьюер: В смысле, им не понравилось, что вы собираете расписки или что?

Вера: Да, то, что прошу, помоги, мол, напиши. А вдруг же ж моего ж Петю заберут невзначай. Вот. И на этом мы перестали общаться все. Одна мне вообще сказала, у нее даже мужа нет, говорит... **Она мне просто сказала: я ничего писать не буду, ко мне это не относится, у меня вообще там никого нет. Говорит, мне вот эти вот твои проблемы нафиг не нужны.** Что-то типа так вот было сказано» (ж., 34 года, домохозяйка).

В результате расхождений во взглядах на происходящее вокруг и непонимания, которое участницы движения встречали среди окружающих, круг общения многих из них сократился. «С родителями стала общаться больше, каждый день на связи, они очень переживают за нас. С друзьями меньше», — рассказала Ксения (ж., 24 года, не работает). «Большинству людей просто все равно, — объяснила Регина, — вообще просто это их никак не касается». Из-за этого она стала общаться только с теми, кто ее понимал и поддерживал:

«Которые вот как бы изначально у меня, допустим, были несколько, ну, знакомых, друзей, с которыми я общалась, ну, допустим, сестра моя, как бы она, ну, понятно, что поддерживает, ну, просто так же, как и я, в шоке всего. Вот. И что все это ненормально, понятно. Вот, ну как бы такие точечные остались там люди. Ну, есть несколько знакомых, они как бы понимают и как

поддерживают... Ну, они не будут что-то делать вместе со мной, но они морально... Но они просто как бы, да, поддерживают. **А остальным просто все равно»** (ж., 30 лет, домохозяйка).

Таким образом, даже личные отношения оказались затронуты новым разделением, которое произвела в российском обществе «частичная мобилизация», снова сделав актуальными различия во взглядах в том числе среди близких людей. Это повлияло на отношения участниц движения не только с их друзьями и родственниками, но и с мужьями и партнерами.

Отношения с мужьями и партнерами

«Частичная мобилизация» и участие в движении «Путь домой» отразились и на отношениях участниц движения с их партнерами, причем не всегда позитивно. Не все мобилизованные хотели быть спасены. Но их девушки, жены и матери все равно пытались им помочь, несмотря на сопутствующие этому эмоциональные, физические и финансовые затраты.

Наших информанток можно разделить на две группы в зависимости от того, как изменились их отношения с партнерами после «частичной мобилизации». Около половины наших собеседниц отметили, что эти отношения стали только крепче, что их мужья поддерживают их в борьбе, разделяют их взгляды и хотят вернуться домой. Например, вот как свои отношения с мужем и взгляды последнего описывает Диана:

«Мой муж всегда будет поддерживать меня. Так же как и я его. Я ему читала посты из “Путь домой”, он смотрел нашумевшее интервью с Александром [один из мобилизованных, который публично рассказал о несоблюдении их прав]. Кроме этого, я ему показывала и читала другие материалы по теме. В целом он согласен со всем. Мобилизованных пора вернуть домой. Они были уверены, что они там максимум до нового года 2024» (ж., 40 лет, психолог).

Для других же участниц движения мобилизация и вызванные ей последствия стали причиной актуализации политических разногласий с мужьями, углубления уже существующих расхождений во взглядах. Иногда такие семьи просто переставали обсуждать «политические» темы. Впрочем, такая стратегия только усиливала напряжение между партнерами: участницы движения накопили огромное раздражение в связи с деятель-

ностью государства, в то время как их мужья продолжали оправдывать его действия. Например, Надежда привела пример того, во что могут выливаться подобные споры:

«Я не могу понять, какие у него взгляды. Ну то есть он как бы жалуется, да, говорит, что плохо, хотим домой. А потом, когда я говорю, что блин да все сволочи, Путин и вообще все, что происходит, там “нет войне” и так далее, он начинает говорить: ”Нет, вообще тут все нормально. Да я бы вообще еще одну мобилизацию объявил. Все должны послужить”. Ну, короче, не знаю. Меня прям... Мы на этой почве очень много ссорились» (ж., 26 лет, не работает).

Руслана, которая познакомилась со своим будущим мужем незадолго до объявления мобилизации, никогда не обсуждала с ним политические взгляды и вопросы. Только отъезд мужа и ее попытки вернуть его показали, что на самом деле у них есть серьезные расхождения во взглядах, разговоров о которых они стремятся избегать:

«Стараемся избегать, потому что вот, ну, там было у нас пару раз, когда у нас был спор по этому поводу. Потому что, ну, в семье как-то должны быть другие интересы, а не вопросы политики. Там надо строить быт, там, я не знаю, там как-то вот это вот, все такое. Делать друг друга счастливыми... Один раз было так, когда я приезжала к нему в учебку, у нас возник спор по этому поводу. То, что поняли, что у нас интересы абсолютно разные. Ну имеется в виду — взгляды... Но я ему сказала, что на нас же никто не напал, зачем мы-то туда полезли? А у него был ответ такой, что лучше будем мы на их территории, но самое главное, чтобы они к нам не зашли» (ж., 43 года).

Проявившиеся расхождения во взглядах со своими мужьями и партнерами в связи с мобилизацией последних и своим собственным активизмом повлияли на жизнь участниц движения как минимум в двух отношениях. Во-первых, участницы стали чувствовать себя изолированными не только от родственников и друзей, о чем мы уже писали выше, но даже от своих партнеров. Во-вторых, оказалось, что их партнеры могут присоединиться к тем силам, с которыми участницы движения пытаются бороться.

Даже когда мужья и партнеры желали возвращения домой, они могли критиковать действия своих жен или девушек. Например, Надежда отказалась обсуждать со своим мужем не только свои взгляды, но и свою деятельность в качестве участницы движения, «потому что это вызовет по-

жар, который уже невозможно будет потушить» (ж., 26 лет, не работает). А Регина призналась, что ей вообще непонятна позиция мужа, который не поддержал ее участие в движении:

«Просто он сказал, что вот не надо раскачивать лодку. Это плохо. Россия должна всех победить... Да, в общем, муж меня совсем не поддерживает. Он даже сказал, что меня надо расстрелять за это... За то, что я делаю. Да. Все очень плохо. У нас еще больше разошлись эти позиции» (ж., 30 лет, домохозяйка).

Желание Регины вернуть мужа и отказ мужа поддержать ее, а также все большее расхождение их взглядов парадоксальным образом не остановили Регину — она продолжала писать обращения к чиновникам и даже участвовала в одиночном пикете. Все еще будучи очень активной участницей движения, она отметила в интервью: «Не хотелось бы остаться вдовой, хотелось бы вот реально развестись. Это был бы праздник» (ж., 30 лет, домохозяйка). А Надежда, которая так же как и Регина, устала от постоянной критики со стороны мужа и его нежелания что-то делать для изменения своего положения, так описала свое постепенно меняющееся отношение к нему:

«Вот если раньше я еще как-то понимала, у меня было терпение. Я там очень снисходительно к нему относилась, потому что я понимала, что да, ему там тяжело, на фронте, все такое. Не знаю. Сейчас у меня прямо очень много раздражения. И иногда хочется прямо сказать, что сам во всем виноват и типа сам дурак... Поэтому у меня уже появились, да, какие-то такие мысли, что вот, мой молодой человек не имеет права на другое мнение, потому что я тут столько всего делаю. И если он не согласен, то пошел он в жопу» (ж., 26 лет, не работает).

Таким образом, женщины, которые пытались вернуть своих родственников и партнеров, оказались отвергнуты не только обществом и государством, но и близкими, в том числе в каких-то случаях партнерами и мужьями. Единственными, кто оказался способен понять их, оказались другие участницы движения «Путь домой».

Спасение от изоляции

Практически все наши собеседницы отмечали, что среди других участниц движения они наконец встретили «таких же, как они». Это ощущение общности было связано со сходством в оценке ситуации, одинаковым эмоциональным настроением и готовностью действовать. Например, по словам Василисы, в «Пути домой» она увидела таких же «злых» и готовых к публичному протесту женщин, как и она сама:

«Притом не помню, кажется, прямо супруг в "Телеграме" скинул. Типа: блин, посмотри, какие бабы молодцы, двигаются. Я такая, репку почесав, зайдя там во все эти чаты, начав писать, переписываться и общаясь с девочками, — очень умные вещи говорят. Почему мне они еще так понравились, я к ним зашла — на одной волне. То есть, если здесь вот я такая одна, а остальные такие: ой бабочки в моей голове, все хорошо, мы побеждаем, НАТО больше денег не даст. То там я зашла, и там такие же, как я. Она злая, она пишет. Она там, ну, недовольна. Она готова выходить. **Я прямо зашла, честно, мы прямо сестры. Наконец-то я их встретила. У меня прям была радость, радость от того, что нас мало, но мы есть**» (ж., около 31 года, домохозяйка).

А Ксения, сравнивая «Путь домой» с другими группами родственников мобилизованных, отметила, что ее привлек критический запал участниц и их желание вернуть своих близких во что бы то ни стало:

«**Присоединилась к "Пути домой", так как увидела в них глоток свежего воздуха среди близких мобилизованных.** Я встречала единичные случаи людей, которые так же, как и я, против всего этого, но основная масса как будто бы и за. Например, я состою в группе родственников мобилизованных из части моего мужа и каждый раз в ужасе с их "патриотизма" и отношения к своим близким. **"Путь домой" же оказался мне единомышленниками**» (ж., 24 года, не работает).

Для многих участниц движения общение с женщинами, попавшими в похожую ситуацию, стало единственной возможностью найти взаимопонимание и поддержку, которой они были лишены. Они смогли пережить свой опыт, разделив его с другими:

«Когда заходишь в чат, где все уже стали родными, знаешь все про каждую, делишься самым сокровенным... и вдруг читаешь: “девочки, мой муж погиб”, каждый раз это такой удар... Это словно твой близкий человек погиб. Я понимаю боль и состояние каждой из этих женщин, и мне каждый раз больно за каждую из них. Мы поддерживаем друг друга и помогаем. Но это в нашем кругу. Одновременно против нас идет большая волна негатива от многих людей, кто с этим не связан» (ж., 40 лет, психолог).

Готовность к активным действиям, злость, критический настрой по отношению к текущей ситуации и общность опыта стали для многих наших собеседниц основанием для формирования групповой идентичности. Ощущение того, что все участницы движения «на одной волне», служило источником энергии и вдохновения для коллективных действий в ситуации равнодушия общества, агрессии со стороны государства и непонимания близких. Например, Полина так описала свои переживания: «Вот когда встречаешься с девушками, с женами — прямо видно уже невооруженным взглядом, что мы одного поля ягоды. И это какую-то дает поддержку» (ж., 30 лет, менеджер). То же самое отметила Марианна:

«Ну, на самом деле то, что я узнала, что и я, действительно, по сути, не один человек, который хочет добиться возвращения, это как-то, можно сказать, да, будет не очень хорошее сравнение, но **это подняло, так сказать, боевой [дух], что бороться действительно стоит. И в смысле стоит, это действительно надо делать, но просто пришло понимание, что я не одна такая»** (ж., около 20 лет, студентка).

Ощущение общности стало также важным фактором преодоления страха перед коллективным действием в ситуации усиливающихся репрессий и давления на движение со стороны государства. «Ну, даже на пикет выйти вместе и повеселее, чем одному», — объяснила Регина (ж., 30 лет, домохозяйка). Поэтому для многих женщин участие в движении стало своего рода терапевтическим действием, помогающим преодолеть ощущение отчаяния, безысходности и страха, обрести силу:

«Медленно сходишь с ума. А тут вот эти действия, которые... ну вот “Путь домой”, возложение [цветов] — это какую-то силу мне дает. То есть мне это дает то, что я не сижу на месте, а что-то делаю. Я пытаюсь что-то изменить для того, чтобы мой любимый рядом оказался со мной» (ж., 30 лет, менеджер).

В результате для участниц движения активизм стал не только формой протеста и методом достижения определенных целей, но и источником поддержки. Как призналась Снежана: «И радуется, что на самом деле этот [телеграм-] канал появился, потому что одной действовать тоже как-то... не знаешь, за что хвататься, и хочется поддержки» (ж., 43 года). А Василиса рассказала:

«Вот недавно был круглый стол, и ВКонтакте выкладывали, что он будет, — мы туда все зашли. Нас было много, мы написали им комментарии, ну, что верните мобилизованных, все прочее-прочее, там вопросы все эти. Вот. И все комментарии отлайкали все, и там было прямо много очень, ну и что — их все поудаляли. Мы под соседним постом набежали, наделали [комментариев]. Ну это, конечно, было, с одной стороны, и грустное, что дальше поудаляли, но с другой стороны, **это воодушевляет, что нас много. Ну когда ты ж не один, тебе легче**» (ж., около 31 года, домохозяйка).

Именно опыт общения с другими женами мобилизованных дал нашим информанткам ту моральную поддержку, которую они не могли получить от семьи или близких, и иногда — даже от своих мужей. Именно этот уникальный опыт — изоляция от друзей и близких, тяжелый быт и общая борьба — объединил наших собеседниц и подтолкнул их к действию. Благодаря участию в движении они смогли сформировать общую идентичность, а их политические взгляды и другие различия отошли на второй план.

Выводы второй части

Большая часть наших собеседниц из движения «Путь домой» — молодые женщины из разных регионов России, не интересовавшиеся политикой до начала полномасштабного вторжения и негативно относившиеся к войне. Что заставило этих женщин начать требовать, а не просить, и перейти от лояльности к «непослушанию»? Почему они продолжили выступать публично вопреки страху и нападкам со стороны государства?

До начала частичной мобилизации женщины, с которыми мы поговорили, были в целом довольны своей жизнью. Их собственный, как и семейный, достаток, если они уже вышли замуж и имели детей, был средним или даже выше среднего. Эти женщины владели жильем, и если они не находились в отпуске по уходу за маленькими детьми, то и у них, и у их

партнеров была постоянная и неплохо оплачиваемая работа. Поэтому материальная компенсация, предназначенная для мобилизованных и их семей, не имела для них большого значения. Их мужья, партнеры или сыновья оказались в военкомате или потому, что мобилизация застала их врасплох, или потому, что в их глазах возможные издержки от уклонения были выше, чем риски, связанные с попаданием в «зону СВО».

После того, как их близкие были мобилизованы, будущие участницы движения попытались прояснить условия и сроки службы, узнать, когда им стоит ждать возвращения солдат домой. Для этого они обращались к различным чиновниками и депутатам, причем с самого начала — вместе, друг с другом. Не получив внятных ответов на интересующие их вопросы, они стали создавать чаты и телеграм-каналы, объединяющие родственниц мобилизованных из разных частей России, в которых они обменивались информацией и организовывали совместные инициативы (например, собирали подписи под петициями с просьбой установить сроки окончания частичной мобилизации). Эта совместная активность способствовала укреплению связей между будущими участницами движения и усиливала ощущение общности опыта, несмотря на различие во взглядах на войну. В отличие от близких контрактников и срочников, столкнувшихся с разными проблемами в разное время, будущие участницы движения «Путь домой» оказались затронуты одним и тем же беспрецедентным событием — первой за восемьдесят лет мобилизацией резервистов — одновременно.

Кроме того, статус и социальная роль участниц движения — женщин, которые потеряли своих мужчин, любимых, мужей — также сблизили их. После мобилизации своих мужей многие из них почувствовали себя родителями-одиночками. Наконец, все они в какой-то момент обнаружили себя лишенными права на нормальную жизнь, которую продолжали вести другие люди, включая их друзей, коллег, родственников и соседей, в то время как их жизнь оказалась принесена в жертву войне.

Взаимодействие участниц движения «Путь домой» с государственными представителями также не было гладким. Попытки последних хотя бы частично удовлетворить запросы и требования женщин окончательно сошли на нет к середине осени 2023 года. При этом еще до того, как участницы движения вышли на первую публичную акцию, присоединившись к митингу КПРФ, СМИ и провоенные блогеры начали обвинять их в том, что они «неправильные жены». Затем давление только усиливалось. В то же время, опыт публичности, благодаря которому о движении заговорили СМИ, и осознание того, что мобилизованные находятся на фронте

«до окончания СВО», то есть бессрочно, заставило участниц «Пути домой» перейти от петиций и просьб к публичной критике представителей власти и их решений, начав регулярно организовывать акции протеста.

В первой части этого отчета мы описывали эмоции, переживаемые близкими военнослужащих, действовавшими индивидуально, а не коллективно. Например, матери срочников, как и участницы движения «Путь домой», переживали за своих близких и ощущали, что их повседневная жизнь «отравлена» ситуацией, в которой они оказались. Однако их эмоции не были направлены на конкретных людей. Участницы движения «Путь домой» переживали свою боль, бессилие и негодование иначе. Из-за того, что наши собеседницы из «Пути домой» еще до создания движения начали объединяться друг с другом, чиновники, к которым они обращались и кого затем обвиняли в бездействии, становились их общими врагами. Затем, через нападки и угрозы, само государство стало обращаться к ним как к группе. Все это привело к оформлению коллективной идентичности участниц движения, которая не могла сформироваться у близких срочников, контрактников, а также у близких мобилизованных, — у женщин, действующих отдельно друг от друга, которых мы описали в первой части этого отчета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**Как возможен протест в
современной России?**

► **В**о введении мы обозначили три вопроса, на которые отвечает данный отчет: какие стратегии помощи своим близким использовали наши информанты и почему? Почему одни действовали индивидуально, ища помощи у существующих помогающих инициатив, а другие присоединились к общественному движению? Наконец, изменил ли опыт взаимодействия с государством их отношение к российскому политическому режиму и к войне против Украины? Суммируя в заключении ответы на эти вопросы, мы покажем, как в новой, военной авторитарной России возможно формирование социального движения, и почему именно жены мобилизованных стали главной движущей силой «Пути домой».

► *Единство места, времени и действия*

Частичная мобилизация создала условия — необходимые, но недостаточные — для того, чтобы пострадавшие от нее люди перешли к коллективному действию. Дело в том, что все они оказались затронуты одним и тем же событием в одно и то же время. Этим событием было беспрецедентное вторжение государства в их налаженную частную жизнь, изменившее ее в долгосрочной перспективе. Именно в случае жен и партнерок мобилизованных эти изменения перевернули повседневность: из нее исчезли мужья, любимые, отцы их детей. Это то, что отличает их, с одной стороны, от матерей срочников, которые столкнулись с разными проблемами в разное время. С другой стороны, жены и партнерки находились в более близких и предполагающих физическое соприсутствие отношениях с мобилизованными мужчинами — по сравнению с дочерьми, отцами или друзьями мобилизованных и контрактников. Тем не менее, переход от осознания того, что частичная мобилизация разрушает их жизнь, к участию в протестных акциях в условиях усиливающихся государственных репрессий потребовал времени и стал результатом взаимодействия между участницами движения и государством.

► *Отсутствие материальной заинтересованности*

До начала войны и частичной мобилизации участницы движения «Путь домой» были в целом довольны своей жизнью. Замужние не имели серьезных финансовых проблем, их быт был налажен, мужья играли важную роль как в их жизни, так и в жизни их семьи. Те, кто познакомился со своими партнерами уже после начала частичной мобилизации, работали и не нуждались в деньгах, тем более в обмен на своих любимых. Большинство мобилизованных мужчин имели постоянную и хорошо оплачиваемую

мую работу. Когда этих мужчин мобилизовали, их жены и невесты сразу же ощутили, что налаженная жизнь радикально изменилась — и не в лучшую сторону. Она не улучшилась и впоследствии, когда государство через регулярные военные выплаты и обещания социальных льгот пыталось «компенсировать» отсутствие мужчин. Будущие участницы движения не приняли навязываемый государством обмен жизнью близких и семейного благополучия на деньги.

► *Беспрецедентность мобилизации*

Частичная мобилизация, объявленная осенью 2022 года указом президента РФ, стала беспрецедентным событием. Большинство россиян хорошо понимали, как работают срочная и контрактная службы. Что такое частичная мобилизация, не было до конца ясно никому (в том числе чиновникам, которым пришлось отвечать на вопросы граждан). Именно беспрецедентность частичной мобилизации привела к тому, что, оправившись после первого шока от внезапной утраты мужей и партнеров, будущие участницы «Пути домой» вынуждены были самостоятельно разбираться в том, кто такие мобилизованные, какой у них статус и права, каким законам и правилам подчиняется их служба. Именно в процессе поиска ответов на эти вопросы женщины начали кооперироваться, создавать чаты и сообщества, одно из которых — канал в «Телеграме» «Путь домой» — превратилось позднее в официальную публичную страницу и рупор движения. Сначала участницы делились информацией и обсуждали волнующие их вопросы между собой, а затем стали использовать эти платформы для составления коллективных петиций и обращений к чиновникам. Отсутствие опыта проведения мобилизации в недавней российской истории и соответствующей правоприменительной практики объясняет, почему поиски информации не привели участниц движения к давно существующим помогающим инициативам и НКО, занимающиеся проблемами армии. В то время как для решения проблем со срочной и контрактной службой уже существовали готовые «рецепты», таких рецептов не было для решения проблем мобилизованных. Именно поэтому будущие участницы «Пути домой» с самого начала могли полагаться только друг на друга.

Кроме того, из-за своей беспрецедентности частичная мобилизация не воспринималась обычными людьми как нечто настолько же понятное и необходимое, как, например, срочная или контрактная служба.

Обычно люди воспринимают срочную службу как институт гражданской жизни, а контрактную службу — как что-то связанное с войной. И то, и другое кажется неотъемлемым элементом общественного устройства и

чем-то само собой разумеющимся. Это защищает срочную и контрактную службу от критики. Например, наши информантки — матери срочников — говорили о срочной службе так же, как, например, они могли бы говорить о школе: если отдельные школы и отдельных учителей можно и нужно критиковать, то это вовсе не значит, что дети не должны ходить в школу. Таким же было и их отношение к армии: пусть армия принесла им и их сыновьям много страданий, это не повод от нее избавляться и уж тем более сомневаться в политике государства, которое эту армию контролирует.

Внезапно объявленная частичная мобилизация оказалась, напротив, уязвимой перед критикой. Во-первых, она смешала гражданскую жизнь и войну: для участия в боевых действиях на условиях, которые сопоставимы с условиями контрактной службы, были принудительно мобилизованы люди, в большинстве своем не имеющие соответствующего опыта и не давшие на это своего согласия. Во-вторых, поскольку причины и смысл российско-украинской войны непонятны большинству россиян, оправданность мобилизации также оказалась под вопросом. Это отсутствие общественного доверия дало возможность участницам движения «Путь домой» — и даже матери мобилизованного, оправдывающей войну — усомниться не только в отдельных аспектах мобилизации, но в правильности ее проведения в целом.

► *Частичность мобилизации*

Частичная мобилизация затронула лишь небольшую часть российского общества. Можно предположить, что для государства это был вынужденный компромисс: более масштабные попытки втянуть людей в войну могли бы вылиться в массовые протесты. Частичность же мобилизации позволила как избежать массового недовольства (возникшие протесты были точечные и их легко было подавить), так и возложить ощутимые издержки войны лишь на относительно небольшую часть общества. Таким образом, объявив частичную мобилизацию, государство само создало новую социальную группу мобилизованных и их родственников. Оно не только заставило эту группу непосредственно столкнуться с войной, но и поместило ее в вынужденную изоляцию. Оно также создало образ лояльной государству «хорошей жены», который не имел ничего общего с реальными потребностями и взглядами многих будущих участниц движения «Путь домой». В результате и мобилизованные, и их близкие оказались изолированы от большинства: они превратились в «козлов отпущения», нормальность жизни которых была принесена в жертву возможности для остальных россиян жить по-прежнему. Эта социальная и публичная

изоляция, однако, привела к непредвиденным последствиям: она усилила ощущение общности судьбы среди жен и партнерок мобилизованных и чувство несправедливости ситуации, в которой они оказались.

► *Бессрочность мобилизации*

Частичная мобилизация была беспрецедентной мерой и для самого государства. Судя по всему, многие из тех, кто занимался проблемами мобилизации на государственном уровне (например, взаимодействовал с мобилизованными и их родственниками), сами были в замешательстве по поводу этого внезапного нововведения. Соответственно, они не знали, как им реагировать на вопросы, поступающие от населения.

Изначально государственные представители пытались хотя бы частично удовлетворить запросы и требования будущих участниц движения «Путь домой». После того, как в августе 2023 года появился канал движения, эти попытки все еще продолжались, окончательно сойдя на нет к середине осени. Замешательство со стороны представителей государства сменилось четким посланием: мобилизованные вернуться только тогда, когда закончится «специальная военная операция».

Объявление о бессрочности мобилизации заставило участниц движения перейти к открытой критике государственной политики. Тот факт, что их мужья должны оставаться на фронте на неопределенный срок, — «до окончания СВО» — возмутил их больше, чем сам факт их участия в войне с Украиной. Сначала им казалось, что вторжение государства в их жизнь будет в каком-то смысле обратимым: их близкие вернуться в обозримом будущем, и жизнь нормализуется. В наших исследованиях, посвященных восприятию войны рядовыми россиянами, мы уже описывали эти ожидания: окончание войны видится многими как возвращение в прошлое, к точке, где еще ничего не произошло. Бессрочность же мобилизации сделала вторжение государства в частные жизни затронутых мобилизацией людей и их близких необратимым. Она также изменила баланс рисков, связанных с участием в коллективном действии: если каждый день людям, находящимся в зоне боевых действий, угрожает опасность, то бессрочность службы значительно сокращает шансы на их возвращение домой, тем самым повышая отдачу от возможного успеха протеста.

Бессрочность службы мобилизованных сделала ситуацию, в которую попали их родственники, принципиально иной по сравнению с ситуацией матерей срочников, которым отправка на фронт может только грозить. Даже если последние теряли надежду на то, что они смогут помочь своим сыновьям, они знали, что те вернуться домой в определенное время.

Окончание срочной службы часто становилось решением проблемы, которую невозможно было решить через взаимодействие с государством. Бессрочность же частичной мобилизации сделала ситуацию, в которой оказались наши информантки из движения «Путь домой», неразрешимой без их непосредственного участия.

► *Давление государства*

Государство внесло важный вклад в формирование коллективной идентичности участниц движения не только потому, что оно создало социальную группу мобилизованных и их родственников, отделив их от большинства. Помимо этого, оно стало давить на участниц движения, вынуждая их прекратить публичное обсуждение мобилизации. Обвинения со стороны государственных медиа, провластных блогеров и официальных представителей государственных структур (например, в том, что они «неправильные жены», «наработочки ЦИПСО» и т.п.) заставило этих женщин перестать видеть в государстве возможного союзника. При этом, в отличие от матерей срочников, участницы «Пути домой» не относились к нему как к некоторой абстрактной силе. Государство для них было воплощено в конкретных людях, принимающих конкретные решения, создающих конкретные законы и делающих конкретные заявления. От критики отдельных аспектов частичной мобилизации они постепенно перешли к более общим вопросам о законности и приемлемости такой меры в целом. В ответ государство стало атаковать их как группу: не отдельных активисток, а «неправильных жен» — участниц движения в целом. В результате эта динамика взаимодействия с государством через его различных представителей — сми, депутатов, чиновников — сделала движение «Путь домой», вопреки желаниям некоторых его участниц «не быть врагом собственного государства», его врагом и публичным критиком, в первую очередь — в глазах самого государства. А для участниц движения осознание того, что они превратились в оппонентов государства, стало завершающей частью процесса формирования их коллективной идентичности. Они обнаружили себя не только изолированными от большинства, но и маргинализированными государством, на участие которого в разрешении своей проблемы рассчитывали изначально.

► *Общий опыт, негативные эмоции и протест*

Создание движения «Путь домой» и переход его участниц к протестным действиям стал возможным не потому, что они разделяли схожие политические взгляды, а за счет солидарности и коллективной идентичности, в основе которых был общий, в том числе эмоциональный, опыт: тревога за близких на фронте, бессилие, изоляция от большинства, злость

на чиновников, которые вместо того, чтобы им помочь, обвиняют их в том, что они «неправильные жены». В движении они нашли поддержку от себе подобных, от тех, кто переживает те же эмоции и сталкивается с теми же сложностями. Это помогло участницам движения преодолеть страх репрессий и превратить свои негативные переживания в энергию, необходимую для коллективной борьбы.

Право на частную жизнь

Протест в авторитарных странах часто возникает в результате вторжения государства в частную жизнь людей. Именно поэтому в России в прошлом мы видели протесты тех, чье повседневное существование оказывалось под угрозой из-за действий государства или частных компаний: например, дальнобойщиков, на доходе которых сказалось введение дополнительных сборов; жителей домов, подлежащих реновации; противников строительства свалки или мусоросжигательного завода рядом с их домом и т.п. Движение «Путь домой» следует этой же логике.

Именно право на неприкосновенность частной жизни было отнято у участниц движения «Путь домой» частичной мобилизацией. Однако по-настоящему родственницы мобилизованных возмутились только тогда, когда поняли, что вторжение государства в их жизнь оказалось неограниченным во времени: что их мужья, партнеры и сыновья не будут демобилизованы, пока война не закончится. Участницы движения «Путь домой» перешли к коллективным публичным протестным действиям только после публичного объявления о том, что демобилизации не будет, и, следовательно, изменения, которые произошли в их жизни, носят постоянный, а не временный характер.

Для того, чтобы обосновать свои претензии, участницы движения обратились к социальным ролям, которые неразрывно связаны с правом на частную жизнь: они заявили о себе как о женщинах, нуждающихся в своих мужчинах, в семье, в любви, в возможности воспитывать детей. Публично заявив о правах семьи и праве на семью, движение «Путь домой» смогло успешно перехватить консервативную риторику российского государства. Именно семья в России является главным получателем государственных льгот; 2024 год официально объявлен «годом семьи». Иными словами, участницы движения требовали восстановления в праве, которое само государство сделало приоритетом. В каждом их жесте, в каждом лозунге звучит молчаливый, но решительный послы: вы учили нас быть женами и матерями, и теперь мы требуем вернуть нам то, что по праву принадлежит каждой из нас. Так, например, белый платок — тра-

диционный символ материнской скорби — становится частью их протеста за право на обычную жизнь. Используя язык государства и опираясь на традиционные социальные роли, ценности и символы, участницы движения смогли превратить навязанную сверху аполитичную ценность нормальной семейной жизни в оружие критики государства. Они сформулировали критику в адрес государства на его собственном языке.

Право на протест

Мы обнаружили, что среди всех родственников, членов семей военнослужащих и их близких есть всего две группы, которые в силу своего социального статуса и роли чувствуют свою общность с другими: это матери срочников и жены или партнерки мобилизованных мужчин. Можно предположить, что это связано с ролью мужчин внутри семьи. Срочники — молодые мужчины, которым в семье все еще отводится роль ребенка. Мобилизованные мужчины обычно старше и в своей семье имеют статус партнеров, мужей, а часто даже отцов. Дети находятся в зоне ответственности своих матерей, а мужья — своих жен. Поэтому именно матери срочников и жены и партнерки мобилизованных чувствуют себя вправе бороться: первые за своих сыновей, а вторые — за мужей и партнеров.

Когда участницы движения «Путь домой» выходят на протесты, они используют язык, на котором, согласно традиционным, консервативным представлениям, должна говорить настоящая женщина: верните мужа, отца детей, моего любимого, верните семью, за поддержку которой вы так ратуете. Они используют и еще один инструмент, подаренный им самим государством, для защиты своего протеста — статус жены военного. В интервью участницы движения не раз признавались, что они боятся репрессий, но рассчитывают на то, что аресты или насилие в отношении невест, жен и матерей тех, кто защищает Родину, могут дорого обойтись государству. В этой ситуации статус жены военного превращается в броню, позволяющую требовать справедливости, не выходя за рамки, установленные системой. Так, свою самую большую и публичную акцию жены проводят у одного из наиболее военизированных символов современной России — Могилы Неизвестного Солдата. Уникальная, новая и вынужденная социальная роль, роль жены военного, становится для них инструментом сопротивления.

Мы предполагаем, что недовольство матерей срочников и мобилизованных тоже обладает значительным протестным потенциалом (что мы можем наблюдать и в случае движения «Путь домой», в котором участвуют матери мобилизованных, пусть и в меньшем количестве, чем их жены и

партнерки). Благодаря своему социальному статусу, матери военнослужащих тоже ощущают себя вправе противостоять государству тогда, когда их сыновьям угрожает опасность. Однако пока срочники не будут массово и одновременно задействованы в военных действиях, этот потенциал вряд ли будет реализован. Ведь дело в том, что — как показывает случай движения «Путь домой» — для протеста в авторитарном государстве недостаточно одного протестного потенциала: он становится возможен только тогда, когда в игру вступают дополнительные факторы, вынуждающие людей рисковать свободой и преодолевать культурные ограничения, согласно которым протест — это удел маргиналов.

**лаборатория
публичной
социологии**